

Синдикат «Громовержец»

Автор:

Михаил Тырин

Синдикат «Громовержец»

Михаил Юрьевич Тырин

Начальник милиции города Зарыбинска по долгу службы был готов к любым неожиданностям – но не к тому, что таинственные события, развернувшиеся в подведомственном ему тихом городке, окажутся связаны со взрывом сверхновых в противоположных уголках Галактики. А известие о том, что подоспевшие ему на выручку десантники не имели никакого отношения к Российской Армии, окончательно сбило его с ног. Разруливать трагическую ситуацию, возникшую на стыке миров, предстоит конкретным пацанам с враждующих окраин Зарыбинска – и еще Маше, такой красивой и такой непохожей на своих земляков девушке.

Михаил Тырин

Синдикат «Громовержец»

Небо было совершенно ясным, и вдруг ударил гром.

Его эхо пустой громяющей бочкой прокатилось в бездонной синеве, и во всей округе не осталось человека, который бы этого не услышал. Даже глухие – и те почувствовали некое сотрясение воздуха. И всюду, куда доходил отзвук громового удара, люди удивленно поднимали к небу глаза.

Сначала задрались головы на дальней переправе через реку Подгорку, где два шофера и один пенсионер с тележкой курили, ожидая парома. Потом вздрогнула и обратила взор к небесам цыганская семья, которая расположилась обедать на

обочине рядом с блестящим черным «Мерседесом». Озадаченно переглянулись молочницы и свинарки на загородных фермах и поспешили к окнам.

Такое же удивление посетило шабашников, возводящих особняки в поселке Слобода. Пожали плечами и двое дорожных инспекторов, прятавшихся от жары в тени своей будки.

И наконец раскатистое эхо вошло в городок Зарыбинск. Тут уж все – продавцы, шоферы, грузчики, учителя с учениками, домохозяйки с кошками, конторщики, плотники, поварихи, сапожники, электрики, – все услышали странный гром.

Естественно, все произошло очень быстро – так быстро, как распространяется в воздухе звук. Несколько тысяч людей почти одновременно посмотрели в небо. И с удивлением обнаружили, что оно ясное – ни одной тучки.

Небо было чистым, как, впрочем, и положено в спокойное летнее утро. «Самолет», – подумали горожане и вернулись к своим делам.

Во всем Зарыбинске было от силы два-три человека, которые мало-мальски разбирались в современной авиации и знали, что преодоление звукового барьера сопровождается несколько другим звуком – не таким раскатистым, не таким, что ли, сочным.

Эти два-три человека, пожалуй, посмотрели в небо более пристально, чем остальные. Возможно, даже озадаченно почесали в затылках.

Но и они, не обнаружив в прозрачной выси ничего подозрительного, вернулись к своим делам. Городок быстро забыл эту странную выходку природы, не зная, что вспомнить ее придется очень скоро.

* * *

Женька Самохин никогда бы не назвал свою профессию опасной. Хотя и служил в пожарной части, и не простой, а военизированной.

Женька был водителем. Это обстоятельство еще дальше отодвигало от него всякие понятия о риске и опасности. Потому что, по инструкции, во время

тушения пожара он обязан находиться возле машины и ни в коем случае не лезть в пламя.

Но если бы он и числился не шофером, а обычным бойцом в команде, то и тогда в его статусе не прибавилось бы ни на грамм героизма.

Что такое служба в захолустной пожарной части? Ну, допустим, дозвонились из каких-нибудь Нижних Свинорылов, что, мол, у кого-то с ночи догорает сарай. Ну поднимут по тревоге дежурный караул, пойдет начкар тормошить бойцов. Те пока партию доиграют, пока домино соберут, Женька как раз успеет докрутить какую-нибудь гайку, ибо машина у него постоянно пребывала в состоянии хронического вялотекущего ремонта и другой жизни не помнила.

Ну добрались, скажем, через час-полтора до места, посмотрели, как тлеют угольки. Может, даже сбрызнули их для порядка водицей из ствола. Ребята еще походят, поищут, что осталось, – кто найдет покрытый копотью гаечный ключ, кто тяпку, кто хоть гвоздей кривых наберет – в хозяйстве не помешает.

Все, что останется, – это дождаться, пока инспектор закончит сочинять протокол. И по домам. Какой тут может оказаться риск?

Таким образом, Женька был в своей безопасности уверен почти на все сто процентов. Почему почти? Потому что у любого шофера всегда шевелится в подсознании эдакая осторожная мыслишка, что... Впрочем, это к пожарам не относится.

Пребывая в спокойствии и благодущии, Женька мыл свой огненно-красный с белой полосой «ЗИЛ» на отлогом травянистом берегу Подгорки. Утро было тихим, по глади воды расходились круги от жадной до мух плотвы. Мягко ворковала в приемнике Пугачева. Женька между делом рассуждал, что надо бы когда-нибудь встать в выходной пораньше, стряхнуть паутину с удочек, выкатить мотоцикл... М-да, надо бы.

Он раскатал рукав и мощной струей воды вышибал из-под днища машины окаменевшую грязь. Неделя, как прошли дожди, и «ЗИЛ» давно пора было вычистить – пожарная техника обязана в любое время сверкать.

В какой-то момент Женька ненароком повернулся к дороге и... вдруг застыл с побелевшими ушами.

Он даже не понял, кого видит. Может, это были водолазы? Два водолаза в масках и шлемах, с квадратными ранцами, выглядывающими из-за плеч, они стояли и смотрели почему-то из-за края бугра. Если б хотя бы из речки – тогда куда ни шло, а так...

Космонавты? Высадились поблизости на своем спускательном шаре? Не похоже. Одежка легка. И руки голые. А в руках что-то блестит. Продолговатое, незнакомое и страшное. И вдруг, непонятно с чего, Женька понял, что в него собираются стрелять.

Вот уже пятнадцать лет он крутил баранку на пожарной машине и не помышлял ни о каких смертельных приключениях, а тут вдруг – солнечное утро, покой, Пугачева из приемника – и два безмолвных сухопутных водолаза, которые явно намереваются стрелять в мирного человека. Сплошное сумасшествие.

Что мог предпринять Женька? Да ничего. Только стоять с белыми от страха ушами и ждать. Правда, в руках он все еще держал брандспойт, из которого била струя с силой в несколько атмосфер.

И этой самой струей он вдруг машинально попытался – нет, не уничтожить противника, даже не смыть, – а просто как-то закрыться, что ли...

Его одеревеневшие руки шевельнулись, преодолев упругую тяжесть налитого рукава, железный наконечник ожил, вода с шумом взбудрила траву у ног. В следующий миг Женька увидел, что в него уже стреляют...

Он едва успел отпрыгнуть, почувствовав, как мимо прошла волна горячего воздуха. Красавец «ЗИЛ», отмытый до блеска, вдруг увеличился в размерах, потерял форму и превратился в ревущий дымный клубок огня. Женька, сам того не желая, вдруг обернулся то ли ящерицей, то ли крысой, а может, и еще каким-то мелким, но быстрым и ловким животным. И оно, скользя к берегу, став невидимым в траве, вмиг скрылось из вида.

Неподалеку валялось у самой воды треснувшее бетонное кольцо, образовавшее мокрую грязную пещерку. Лишь оказавшись в ней, Женька понял, что не мышь и

не ящерица умчалась от взорвавшегося «ЗИЛа», а он сам! Его ноги мелькали по берегу, его уши трепетали на ветру, его выпученные глаза не видели ничего, кроме дрожащей линии горизонта и спасительного темного провала в бетонном кольце.

Он сжался внутри, закрыв руками голову. Он ждал, что же будет теперь. Быстрая безболезненная смерть или ослепительная волна огня, от которой затрещат волосы и расплавятся резиновые подошвы? Он слышал, как ревет огонь, пожирающий его машину, он чуял запах гари. Он ждал, но ничего не происходило.

Женьке казалось, что прошло много лет, пока он сидел с зажмуренными глазами, и он вылезет из укрытия дряхлым стариком. Ничего подобного. Он просидел в бетонном кольце всего-то четыре или пять часов.

* * *

Лет сто назад здесь была мужская гимназия. И звенел колокольчик в руках сторожа, и спешили к дубовым дверям мальчики в фуражках, чтобы учить латынь и Закон Божий, и свистели, наверно, учительские розги.

Ныне же осталась только краснокирпичная коробка, заваленная по второй этаж столетним хламом, да еще руины такого же красного забора. Все заросло березой и акацией. За ее зеленой стеной хоронились укромные уголки, где можно было найти то свежую пустую бутылку, то папиросный окурочок со странным зеленоватым табаком, то некую мятую вещицу, которую малыши по недостатку жизненного опыта принимали за лопнувший воздушный шарик.

Место по-прежнему называлось Гимназией. И весь район, что простирался вокруг, тоже был Гимназией. И те люди, что оставляли здесь бутылки, окурки и прочее, они так же звались Гимназией или гимназистами.

Гимназистом мог считаться в принципе любой. И пятиклассник, убежавший с уроков, чтобы покурить и послушать побасенки старших. И шестнадцатилетний бездельник, который закончил девятилетку и теперь, весь в недоумении, пытается понять, чем можно заняться еще. И его более старший товарищ, вернувшийся из армии или из тюрьмы и точно так же озадаченно ищущий себе

применения.

И даже зрелые мужики – спившиеся работяги, лишенные прав шоферы, разведенные отцы семейств, обозленные пенсионеры, – они тоже были гимназистами, если забредали к заросшим развалинам, чтобы попить, покурить и пообщаться.

В Зарыбинске была лишь одна категория людей, которым не дано было стать гимназистами. Они жили на другом конце города, в районе, который именовался Промзаводом. Их звали и «заводскими», и «мазутниками», и «болтами», и «стахановцами», но только не гимназистами. Хотя на Промзаводе жили точно такие же пятиклассники, балбесы, дембеля, пьянчуги и прочие.

Спустя несколько часов после загадочного громового удара на Гимназии было немногочисленно. Всего трое скрывались за кустами акации, проводя время в ни к чему не обязывающей беседе.

Один из них – Гена Цокотов – был высоким, хотя и сутулым парнем двадцати пяти лет, который нигде не работал, а только торчал по разным компаниям, слушая разговоры. Сам он говорить не то чтобы не умел, а скорее не считал нужным. Он предпочитал только всхрапывать в смешных местах и хмыкать во всех прочих. Впрочем, возможно, это и было его главным достоинством – ведь редко найдется собеседник, готовый слушать что угодно и при этом выразительно реагировать, не перебивая.

Сейчас Гена слушал восьмиклассника Хрящева – по кличке, естественно, Хрящ, – маленького, но очень энергичного, порывистого и сердитого. У него имелась строго овальная (не придерешься) голова и аляповатые веснушки, сползающие по щекам, словно рыжие муравьи.

– ...Я его после школы встречаю, свинчатку на всякий случай в рукав спрятал, – с обидой и горячностью выкладывал Хрящ, – а он смотрит так и говорит: «Зря, Хрящев, стараешься, в девятый класс ты у меня не перейдешь». Потом говорит: «Отца вызову». Я ему: «Отец мой тебя уроет, очкарик, чмо позорное!»

– Хр-р... – усмехался Гена, тупо уставившись перед собой.

– И потом уже в классе мне говорит: «Не сдашь долги по немецкому, будешь со справкой ходить, как debil». Тут уж я все. Говорю – сам debil, сука, рожа лошадиная. Уже ребят начал собирать – встретить его вечером и засвинярить, чтоб домой на карачках полз. Не вышло, мать заставила воду из погреба откачивать...

Третьим в компании был Кирилл Парамонов – юноша восемнадцати лет, невозмутимый, задумчивый, с пушистыми пепельно-русыми волосами. Он имел довольно аристократическую внешность и мог сидеть на бревне с таким видом, будто находится в кресле у камина. И окурочок мог держать так, словно это сигара. Иногда он, правда, сплевывал через зубы или допускал речевые обороты, от которых аристократичность его несколько меркла.

Кирилл закончил школу, полный курс, затем отучился в автошколе при училище механизаторов и теперь ждал повестки в военкомат.

– Вот я ему и говорю: «Отвали ты от меня со своими «Вас ист дас?», фриц недорезанный», – пыхтел Хрящ, сжимая кулаки перед сердитым лицом. – Чего ему от меня надо вообще? Я ему уже обещал в окно бутылку с бензином засадить...

– Ну и кинь ты его на фиг, – лениво посоветовал Кирилл. – Чего нервничать? Сдался он тебе, этот немецкий...

– Так ведь грозит, что аттестат не дадут! – воскликнул Хрящ, и его лицо задрожало от досады.

– А на фиг тебе аттестат? – равнодушно продолжал Кирилл. – Боишься, без него на лесопилку не возьмут или на завод?

– Хр-р... – присоединился Гена.

– Нет, – Хрящ вздохнул и весь как-то померк. – Без аттестата, со справкой меня только в стройбат заберут. А я в десантуру попасть хотел.

Кирилл искоса взглянул на собеседника и тихо хмыкнул. Малорослому Хрящу десантура не грозила, даже если у него будет два аттестата и пять медалей за

хорошее поведение. Дрался на кулаках он, конечно, лихо, это ему в плюс. Но в Зарыбинске драться могли все, дело нехитрое.

- Хм... - прозвучало со стороны Гены. Кто-то торопливо шел через кусты, приближаясь.

Никого, кроме Гены, это, впрочем, не заинтересовало. Ну прется на Гимназию кто-то из местных, кому надоело пялиться дома в телевизор или считать, сколько мух умерло и родилось в квартире за истекшие сутки...

Среди веток мелькнула соломенная голова Пакли. Его угреватое морщинистое лицо несло явные следы того, что Пакля приволок какую-то исключительную новость.

Пакля не состоял формально ни в Гимназии, ни в Промзаводе. Он болтался между двумя противоборствующими районами, как самолетик на бечевке, переносил новости и сплетни и даже выполнял простые дипломатические поручения.

И там, и там ему могли, например, дать закурить или даже налить стакан. А могли и двинуть в зубы - в зависимости от политической ситуации. Пакля безропотно нес крест своей неопределенности и, кажется, был им вполне доволен.

- Сидите? - Пакля тарачил глаза и строил гримасы, как шимпанзе. Казалось, что его спутанные соломенные волосы тоже живут своей жизнью, шевелятся, устраиваются поудобнее и ходят друг к другу в гости.

- Сидим, - ответил Кирилл, удостоив пришельца лишь косым взглядом.

- Да вы чо?! - Губы Пакли шевелились, как две пиявки. - Там весь городок уже собрался. А они сидят!

- Чего ты разорался? - с раздражением спросил Хрящ.

- Да там!.. - Пакля сглотнул и замолчал, словно полностью выдохся.

– Ну? Что там? – В глазах Хряща уже блеснуло любопытство. Хотя голос по-прежнему выражал презрение. Паклю даже школьники всерьез не воспринимали, хотя ему сравнялось уже семнадцать лет. Космополитичность в Зарыбинске считалась не столько пороком, сколько чем-то вроде физического недостатка, уродства, инвалидности. Солидные пацаны, курившие папиросы на Гимназии, смотрели на неприкаянного Паклю, как могли бы смотреть основательные лавочники на бродяг и попрошайек.

– Ну, что там? – сердито повторил Хрящ.

– Хм, – добавил Гена, тоже заинтересовавшись.

– Там... там город в развалинах! Урки магазин захватили, универмаг! Орут, стреляют... Машину спалили Самохе-пожарнику, – тут вдруг Пакля замолк, настороженно поглядывая на ребят. Словно испугался, что слишком много наговорил и ему не поверят.

Ребята и в самом деле переглянулись с усмешками. Но усмешки были какими-то растерянными.

– Ты чего городишь? – тихо спросил Кирилл.

– Сходи погляди! – тут же воспрял Пакля, убедившись, что сумел все-таки всех напугать.

Лица у парней стали еще более растерянными. «Сходи погляди» – довольно весомый аргумент. Да и не может быть, чтобы Пакля так бессовестно обманывал Гимназию, зная, что его здесь за это просто изуродуют. Но – стрельба, развалины – и в Зарыбинске?

– От-тана попала... – обронил Хрящ.

Пакля окончательно понял, что сумел озадачить гимназистов. Не упустив момента, он взял из руки Кирилла недокуренную сигарету. Тот не возражал и даже вроде бы не заметил. Стало быть, проняло. Осознал, выходит, серьезность момента. Пакле нравилось вот так неожиданно появляться и с ходу ошарашивать людей всяческими убойными новостями. Хотя это случалось и

нечасто, и недокуренные сигареты далеко не всегда становились ему наградой.

- Хм, - произнес Гена и посмотрел на своих.

- Ну пошли, - решил Кирилл.

Никто, естественно, даже словом не выразил благодарность Пакле, примчавшемуся на Гимназию ради одной-единственной новости. Тот и не ждал. Это было в порядке вещей.

* * *

Едва оказавшись на центральной улице в районе универмага, парни поняли, что произошло действительно нечто из ряда вон.

И не только потому, что вокруг было полно народа, а в переулках стояли милиционеры. И не потому, что в универмаге была выбита половина стекол.

В первую очередь потому, что возле его крыльца не сидел дед Плюгаев.

Плюгаев, сухой желчный старик, был таким же неотделимым элементом ландшафта, как памятник на площади, как высокий трехсотлетний дуб напротив, как афишная тумба кинотеатра и обширная незасыхающая лужа вокруг нее. Уже много лет подряд дед сидел на этом месте и продавал мухобойки, которые сам изготавливал из палочек и обрезков резиновых сапог.

Мухобойки лежали перед ним красивым веером. Одну он обязательно держал в руке и то и дело применял по назначению. Вокруг всегда чернели россыпью мертвые мухи, их были сотни, и они являли самую наглядную рекламу товара, хотя и не очень изысканную. По прихоти хозяина, во все времена цена на мухобойку равнялась стоимости буханки хлеба.

К Плюгаеву подходили такие же сухие и желчные старики, выбирали себе оружие по руке - чтоб рейка была жесткой, а резинка хлесткой, - отсчитывали мелочь и уходили в свои дворы. Садись там на скамейки и завалинки - и били, били, били - до блаженного изнеможения. Плюгаев был вождем тайной армии стариков-убийц, верховным истребителем крылатых насекомых.

И вот его не было на привычном месте. Глаз натыкался на пустоту возле крыльца, и рождено ощущение тревоги. Что-то действительно случилось.

Кирилл довольно быстро пробился в первые ряды. Вернее, даже не пробился, а довольно гордо прошествовал, словно не обратив внимания на плотную толпу.

– Туда нельзя, – механически сообщил милиционер из оцепления.

– Да ладно тебе, Михалыч... Нам только глянуть. Что творится-то, скажи. Мы только узнали...

Хрящ и Гена толклись за спиной Кирилла, не решаясь поддакивать. Пакли уже не было рядом, возможно, улетел дальше разносить потрясающую новость.

– Да никто ничего не знает, – с досадой ответил милиционер. – Какие-то мазурики закрылись в универмаге, всех выгнали, разговаривать не хотят. С оружием вроде. Хорошо, хоть не убили никого...

– Хм, – раздалось сзади.

Между опустевшей двухэтажкой универмага и людьми было полсотни метров пустого пространства. Пустого, не считая оставленных машин, тележек и велосипедов.

За стеной оцепления находились только два человека. Один – начальник местной милиции майор Дутов – человек глубоко и горько обиженный на людей, которые только и досаждают своими проблемами и поступками, отвлекая от дел. Какие дела его могли тяготить, кроме людских, неизвестно. Он всегда был чем-то озадачен, ходил быстро, здоровался торопливо, не глядя в глаза и крайне редко протягивая руку.

В редкие дни, когда горожане приходили к нему на прием, он сидел за столом, скорбно сведя брови, и проставлял неясные знаки на бумаге, неизменно лежавшей перед ним. Слова посетителей заставляли его еще больше хмуриться и еще яростнее чиркать по бумаге. Если бессовестный горожанин начинал слишком уж настырно обозначать свое присутствие и требовать внимания, Дутов мог взорваться, вскочить и закричать: «Да подождите вы!»

Тут уж самому толстокожему и непонятливому должно было стать ясно, какой груз проблем и забот давит на майора и как некстати все эти глупости, с которыми приходят к нему зарыбинцы.

И где бы ни находился Дутов, чем бы ни занимался, почти всегда с его стороны было слышно «Да подождите вы!», и всегда можно было видеть его сведенные в галочку брови. Вот и сейчас он, весь насупленный, один ходил туда-сюда по ту сторону оцепления и на робкие вопросы из толпы выкрикивал свою обычную фразу.

Вторым счастливецом, допущенным в запретную зону, был местный дурачок, известный под именем Адмирал Пеночкин. В Зарыбинске всегда имелись местные дурачки. Правда, в те времена, когда гимназисты еще учили латынь, дурачок был один, от силы два на весь уезд. Теперь уже их никто не считал.

Адмирал Пеночкин был среди них самым заметным. Он всегда широко шагал куда-то в распахнутой офицерской шинели, не снимавшейся ни в какую погоду, с непокрытой седой головой, отрешенно глядя в землю. Мальчишки, бывало, замечали его издалека, выстраивались в линейку и вытягивались, расправив плечи. Пеночкин небрежно, но царственно козырял и шагал себе дальше, погруженный в раздумья и воспоминания.

В настоящий момент Адмирал мерил шагами улицу перед универмагом, все так же скорбно и задумчиво глядя под ноги. Иногда он останавливался и производил размашистые движения руками, словно командовал перестроением войск. Казалось, здесь он единственный осознал серьезность момента и готов решительно действовать. Майор Дутов, кстати, который тоже был в форме и тоже ходил, такого впечатления не производил.

Пока еще никто в толпе ничего не понимал и питался только слухами, витающими в воздухе. Слухи довольно быстро долетели и до Кирилла с его товарищами.

Произошло же следующее. В разгар дня, когда народ бродил по улице, запирал машины, привязывал лошадей и приценивался к товарам, вдруг раздались оглушительные хлопки. Универмаг и часть улицы заволокло сладковатым дымом.

Покупатели и продавцы так ничего и не успели понять. Они даже не разобрали, кто и как выкинул их из универмага на улицу, все произошло мгновенно. Правда, кто-то утверждал, что видел в дыму большие угловатые фигуры, шлемы, оружие. Некоторым даже малость досталось, и они бережно демонстрировали синяки и царапины как вещественные доказательства.

Те, кто пытался после этого зайти в универмаг, вылетали обратно тем же непонятным и быстрым способом. Говорили, что их словно пинком вышибало.

Впрочем, из-за непонятности мало кто воспринимал происшествие очень уж всерьез. В толпе тут и там слышались шуточки. Всем казалось, что пройдет минута-другая, и все очень просто разрешится. Например, окажется, что где-то замкнуло ток. Или что пожарная часть решила провести неожиданные учения. Мальчишки – те вообще были в восторге. В кои-то веки в Зарыбинске что-то происходит!

– Я знаю, как через аптеку к универмагу пролезть, – зашептал Хрящ, толкая Кирилла в бок. – Там через забор, по кустам и – от-тана попала! Никто не заметит.

– Зачем?

– Ну посмотрим. Поближе подойдем. Может, в окна заглянем...

– Я те загляну! – прозвучал рядом бас милиционера. – Так загляну, что неделю будешь задницу в молоке отмачивать.

– Да ладно, – стушевался Хрящ. – Я так...

И тут он как-то напрягся, ощетинился, словно весь встал торчком. Его сердитые глаза заблестели, высмотрев что-то в толпе.

– Глянь, глянь, – он снова толкнул Кирилла. – Промзавод подвалил.

– Вижу, – ответил Кирилл, невольно принимая надменную независимую позу.

Действительно, неподалеку показалась группка парней, во главе которой торчал Дрын – рыжий и лохматый предводитель промзаводских «болтов», год назад пришедший из армии. Он все время ухмылялся, и его лошадиные зубы от этого как бы выкатывались вперед. Он ухмылялся, когда молчал и когда говорил, когда курил и когда пил. И зубы всегда торчали чуть впереди него. Он ухмылялся даже, когда по этим зубам получал. А подобное случалось не так уж редко: противостояние Гимназии и Промзавода носило переменный успех.

Скорее всего промзаводскую пехоту привел все тот же Пакля. У «болтов» было свое штабное место – водокачка на окраине, – и до них не долетал шум из городского центра. Дрын оглядел толпу, задержал взгляд на кучке гимназистов и многообещающе ухмыльнулся. Понятно, что именно обещала эта ухмылка – промзаводских было вдвое больше.

– Надо пацанов собирать, – загодя прикинул Хрящ. – Вон Скелет стоит с Чесоткой. Вон Шпак...

– Хм, – с сомнением произнес Гена.

И тут в толпе что-то начало происходить. Послышался шум, недовольно загудели бабы, побежали куда-то милиционеры. Адмирал Пеночкин застыл на месте и, сунув руки в карманы шинели, угрюмо наблюдал за происходящим. Отчетливо раздались яростные хриплые проклятия, словно кому-то выкручивали руки. В следующий момент стало видно, что очагом беспорядков стали двое закадычных приятелей, пенсионеры-алкоголики – Травкин и Мендельсон.

Творилось что-то странное. Оба рвались к универмагу с лицами злыми и решительными. Пока милиционеры сдерживали Мендельсона, Травкину удалось прорваться. Майор Дутов бросился было наперерез, но не успел. В руках у Травкина что-то вспыхнуло – эта была бутылка с бензином, из горлышка которой торчала тряпка-фитиль.

– Получай, с-сука! – с ликованием крикнул Травкин и, неловко размахнувшись, метнул бутылку в окно универмага. Затем, пьяно покачиваясь, бочком побежал в сторону, уворачиваясь от набегающего Дутова.

Пламя взметнулось в здании копящим фонтаном и тут же почему-то осело, задохнувшись.

– Ты что ж, козлиная башка, творишь! – визгливо закричал Дутов.

Травкин тем временем, сделав крюк, подбегал уже к другому окну. Оказалось, у него была еще одна бутылка, которую он выхватил из-за пазухи.

– Стой, скотина! – неистовствовал Дутов, на помощь которому уже мчалось несколько сержантов.

Видя, что перехватить его не успевают, Травкин злорадно захохотал и швырнул вторую бутылку, не удержавшись и упав на колени.

Бутылка, не долетев до здания, взорвалась в полете, образовав в воздухе неровный огненный клубок. Травкин, до которого дошел жар взрыва, вскочил и бросился наутек. В окне универмага мелькнула быстрая тень, что-то звонко щелкнуло, словно камень ударился о край железной трубы, и...

Далее произошло что-то ужасное. Настолько ужасное, что люди готовы были отказаться верить собственному зрению.

Убегающий Травкин вдруг словно начал отставать от своей одежды. Все мятое серое тряпье, что болталось на нем, оказалось чуть впереди хозяина. А через мгновение он и сам оказался... впереди себя. То есть кожа, пласты мышц и что-то еще, грязное и размочаленное, продолжали мчаться вперед, разлетаясь веером, а кости в лохмотьях отставали и рассыпались. Как будто какой-то чудовищный порыв сдул с человека плоть.

Вся эта кровавая мешанина вlepилась в стену, оставив впечатляющее пятно, следом ударились и кости. В это было невозможно поверить: только что бежал человек – и вдруг на его месте только какая-то слякоть.

Народ оцепенел, даже птицы, казалось, замолчали. Все застыло. Ужасная картина лишила людей ощущения реальности.

Мендельсон выбрался из рук обалдевших милиционеров и бесстрашно подбежал к останкам товарища, сев перед ними на корточках.

– Насмерть! – замороженно проговорил он.

И тут поднялась буря. Все потонуло в криках, туча ворон поднялась в небо. Люди бежали, сталкивались, падали. Милиция оставила попытки оттеснить толпу в глубь дворов и сама превратилась в такое же неуправляемое, обуянное страхом стадо.

Лишь Адмирал Пеночкин неподвижно стоял, заложив руки за спину, и смотрел на обезумевших людей. Он был похож на полководца, с горечью наблюдающего, как в страхе отступает его войско. Потом он подошел к останкам Травкина, козырнул, смахнул скупую слезу и торопливо зашагал куда-то прочь.

* * *

Хрящ и Кирилл остановились в небольшом укромном закутке между парикмахерской и сапожной будкой. Через минуту их догнал поотставший в толпе Гена, который держался за ушибленную руку и недовольно хмыкал. Некоторое время все трое только переглядывались, прикуривая дрожащими руками.

– От-тана попала, – проговорил наконец Хрящ. – Видели? Видели, а?

Все, конечно, видели. И теперь вновь переживали тот ужас, который испытали при виде распадающегося на составляющие алкоголика Травкина.

Отовсюду слышался народный гул. Оказалось, что люди, хоть и были насмерть перепуганы, расходиться никуда не собирались. Все растеклись по дворам и закоулкам, некоторые взобрались на чердаки и отдаленные деревья. Ни один не считал себя вправе пропустить такое событие.

– Может, за ружьем сбегать? – сказал Хрящ, уловив назревающий в атмосфере дух паники и беспорядков. – У отца ружье в шкафу.

– Сиди уж, ружье, – снисходительно ответил Кирилл. – Один такой сунулся... с гранатой.

– Хм, – согласился Гена, не переставая потирать руку. Похоже, синяк на ней стал для Гены предметом гордости – как-никак пострадал в ходе нападения бандитов

на город.

В простенке неожиданно показался Пакля.

– О-па! Вы здесь! – всклокоченные волосы вздымались, как языки пожара.

– Да, только тебя не хватало, – пробормотал Кирилл, отворачиваясь.

– Короче, я все узнал, – с горячностью заговорил Пакля. – Ничего пока не будет. Менты получили приказ не лезть. Ждут, когда приедет спецназ. Какой-то специальный спецназ, военно-воздушный или хрен его знает. Может, ОМОН...

– А может, десант ВДВ? – почему-то разволновался Хрящ.

– Ну, может. Но, блин, такая тут война будет! Ну его на хрен, я домой пошел!

– А откуда ты все знаешь? – с подозрением прищурился Кирилл.

– Знаю. Дутов проболтался. Дай-ка... – Пакля забрал из руки Кирилла сигарету. – Короче, бабы на него набросились: что ж ты стоишь, падла, людей убивают! Он им говорит – жду специальный десант. Приказ из штаба.

– От-тана попала, – сокрушенно проговорил Хрящ. – Может, сбегать все-таки за ружьем? Там подмогнуть, может, или еще что...

– Да стой на месте, придурочный! – раздраженно воскликнул Кирилл. – Когда этот десант появится?

– А я знаю?

– Хе, – сказал Гена, показав Пакле ушибленную руку. Наверно, надеялся, что тот разнесет весть об этом по городу и впоследствии возникнет какая-нибудь героическая легенда.

И тут явственно начало нарастать многоголосье в окрестных дворах. Люди волновались – что-то опять происходило. Приятели повертели было головами и,

переглянувшись, пожали плечами. И тут раздался голос Гены:

- Это чего?.. Это теперь как?.. Зачем такое?

Все поняли, что произошло нечто особенно примечательное, раз уж Гена заговорил человеческим голосом, а не своими «хе» и «гр-р». Гена показывал пальцем в небо. Туда же взглянули и остальные.

- От-тана попала! - выдохнул Хрящ и невольно втянул голову в плечи.

На фоне прозрачной синевы неслышно описывали круги два треугольника из голубоватого блестящего металла. Они летали плавно, невысоко, словно коршуны, высматривающие добычу.

Кирилл, издав неопределенный звук, попятился к стене. Всем было ясно, что эти треугольники вплотную связаны с захватом магазина, страшной гибелью алкоголика Травкина, а значит, их следовало опасаться.

- Сбить бы их надо, - прошептал Хрящ.

- Ага, из ружья, - с нервной усмешкой ответил Кирилл. - Зенитчик, блин...

Пакля вдруг, ни слова не говоря, куда-то испарился. Оставшиеся невольно подтянулись к стене палатки: под козырьком крыши казалось безопаснее, чем на виду у летающих треугольников.

- Отец рассказывал, как у них в армии было, - заговорил не к месту Хрящ. - У них там самолет разбился, а в нем сто семьдесят пассажиров. Его роту послали куски собирать. Каждому налили стакан спирта и дали шомпол с мешком.

- Зачем шомпол? - спросил Кирилл.

- Куски нанизывать.

- Какие? Самолета, что ли?

– Нет! От пассажиров куски. Их потом всех в психбольнице проверяли.

– Кого? Куски?

– Да нет! Отца. И остальных.

– Хреново проверили, если ты такой уродился.

Стоять здесь и трепаться ни о чем быстро наскучило. Милицейских сил явно не хватало на то, чтобы держать зевак на приличном отдалении от универсама, ставшего вдруг смертельно опасным. Сами же зеваки были, как водится, полны того дурацкого бесстрашия, которое в разные времена приводило к фатальному концу многие тысячи людей, причем ни за грош.

Одним словом, зарыбинцы, отделавшись от первого испуга, вновь поползли к эпицентру событий, не прислушиваясь к внутренним позывам осторожности.

– Пошли, что ли? – предложил Кирилл. – Глянем, что там делается.

– А эти? – всполошился Хрящ, кивнув на треугольники.

– А чего? Летают и летают.

Они успели пройти не более пяти шагов, как вдруг увидели на пути Машку Дерезуеву.

Машка этим летом закончила школу и уже как бы не принадлежала Зарыбинску. Она собиралась уезжать, чтобы поступать в институт. И никто не сомневался, что поступит.

И Гимназия, и Промзавод смотрели на нее с прощальными вздохами. Машкой давно интересовались зарыбинские пацаны, но дальше этого интереса дело не шло. Она жила, словно не замечая ни Зарыбинска, ни его обитателей.

Начать с того, что ее ничем невозможно было удивить. Весь город мог обсуждать, например, какую громадную щуку выловил Васька с Фанерной улицы или какой мотоцикл пригнал Петька с Правобережного поселка, а Машке

до этого совершенно не было дела. Она находилась где-то далеко – то ли в других землях, то ли в иных эпохах.

Естественно, население злилось на эту ее отстраненность от городской жизни, но и до всеобщей злости Машке совершенно не было дела. Можно сказать, что каким-то чудесным образом городок на нее не повлиял и не сделал похожей на остальных.

– Привет, – сказала Машка.

– Привет, – ответил за всех Кирилл. Он и его приятели невольно выпрямили спины.

– Моих не видели? – спросила Машка.

– Кого?

– Маму, папу.

Кирилл переглянулся с ребятами и пожал плечами.

– Куда же они?.. – пробормотала Машка и пошла дальше, не обратив на ребят более никакого внимания.

– Родителей потеряла, – сказал Хрящ, следя блестящими глазами, как Машка удаляется. Она находилась в той стадии развития, когда кажется, что природа сделала с этим телом все, что могла, и ничего лучшего прибавить уже не сумеет.

– А кто у нее родители? – спросил вдруг Кирилл.

Оказалось, никто не знает. Отец Машки всегда носил галстук и ездил в серой «Волге» с чуть помятой крышей. Все знали его в лицо. Но кто он и чем занимается – об этом как-то разговора не заходило.

В окрестностях универсама было уже далеко не так многолюдно, как час назад. Даже оцепления не требовалось. Небольшие группы людей виднелись в основном под прикрытием кустов и заборов, на открытом же пространстве не

было никого. Самые осторожные иногда выглядывали, чтобы справиться о новостях. Но новостей не было, и народу оставалось только пялиться на летающие треугольники.

Однако останки алкоголика Травкина кто-то уже прикрыл рваными кусками рубероида, хотя на стене по-прежнему краснело зловещее пятно.

И вдруг Хрящ весь задрожал от возбуждения.

- От-тана! - воскликнул он, показывая на павильончик по приему стеклотары. - Десант уже прислали!

- Где, где?! - заволновался Кирилл.

- Гляди, за углом...

В самом деле, можно было рассмотреть, что из-за угла павильона время от времени выглядывают люди, одетые в необычную военную форму. На них были угловатые жилеты и большие шлемы со щитками, совершенно непохожие на то, что имели местные милицейские силы.

- Переползаем к Дому быта, - деловито предложил Кирилл, - оттуда лучше видно.

Прячась под деревьями от летающих треугольников, троица сменила позицию для наблюдения. Похоже, кроме этих ребят, никто из местных прибытия десантников еще не заметил.

Их было почему-то совсем мало - человек шесть или восемь. Они стояли за павильончиком, не проявляя никакого интереса к миру, лишь один то и дело выглядывал из-за угла. Рядом с ними находился Дутов, он что-то объяснял, всплескивая руками и трагически сводя брови.

- Крутые, - с чувством проговорил Кирилл. - Видали, пушки какие сзади висят?

- Что за форма? Что за форма-то? - беспокойно бормотал Хрящ, пытаясь определить род войск.

Гена, как водится, хрюкал и мекал, удивляясь и радуясь вместе с приятелями.

- Хрящ, иди познакомься, - насмешливо посоветовал Кирилл. - Может, они тебя к себе возьмут. Ты ж хотел десантником...

На веснушчатое лицо восьмиклассника набежала тень. Видимо, он вспомнил про свой перезачет по немецкому, без которого ему не получить аттестата и никогда не попасть в такую замечательную команду.

- А чего? - буркнул он. - И подойду. Хоть познакомлюсь.

- Да ладно тебе! - нахмурился Кирилл. - Я так сказал. Сиди.

- Нет, а чего? Я пойду, - упрямо повторил Хрящ.

- Дутов тебя в момент пинком под зад.

- Да пошел он! - Хрящ глянул на всякий случай вверх и, пригибаясь, побежал в сторону павильона. Кирилл и Гена, быстро переглянувшись, устремились за ним.

Когда половина дороги уже была за спиной, вдруг произошло неожиданное событие. В сторону универмага, откуда ни возьмись, побежал лохматый бездомный пес, который уже несколько лет жил и кормился на центральной улице Зарыбинска.

Оба треугольника замедлили кружение, шевельнулись, словно вставая на дыбы. Затем блеснули какими-то стеклышками - и асфальт под ногами пса буквально вскипел, разлетаясь фонтаном обломков. Бедная собака взвизгнула и метнулась под какой-то ящик, а в асфальте осталась продолговатая вмятина.

Народ по подворотням зашумел, но, что интересно, никто на этот раз и не подумал бежать. Дутов же еще яростнее зажестикублировал, разговаривая с одним из десантников.

- Быстрее! - задыхаясь, выпалил Хрящ, и через несколько секунд все трое уже скрылись за павильоном.

Начальник милиции, к счастью, никакого внимания на них не обратил. Он был полностью поглощен беседой с военным. Тот все выглядывал из-за угла и прикладывал к уху радиостанцию. Похоже было, он командир.

– А я что – у меня сто глаз? – слышался плачущий голос Дутова. – Все лезут, всем надо посмотреть, прутся, как бараны... Вот и жертвы... А у меня людей-то всего полсотни на весь город, полтора десятка еле смог собрать. Дежурную смену из кроватей поднял... А они ж не понимают, им всем поглазеть надо...

Десантник-командир что-то тихо спросил.

– Да, да! – подобострастно закивал Дутов. – С той стороны машина улицу перегораживает, с этой два мотоцикла. И люди мои в проходах стоят.

Приятеля во все глаза таращились на десантников, прибывших на подмогу несчастному Дутову. Те были как на подбор – высокие, широкоплечие, мужественные. Они стояли и не разговаривали, даже почти не шевелились. Из-за одинаковой формы и шлемов, открывающих лишь маленькое окошко для лица, они казались похожими, как близнецы.

Форма была почему-то сине-серая, а не камуфляж, к которому все привыкли. И нашивки необычные – серебристая молния, четырехконечная звезда, неразличимая надпись по кругу. Вдобавок – высокие мощные ботинки, жилеты с множеством карманчиков, где лежали, наверно, всевозможные штуки и приспособления.

У всех было оружие. Видимо, это было самое современное оружие, возможно, даже секретное. Во-первых, массивные пистолеты, пристегнутые к левой штанине. Во-вторых, автоматы или винтовки – тоже большие, с грозно выпирающими деталями.

– А ведь я правда подойду, – пробормотал Хрящ, облизнув пересохшие губы. – Может, спрошу чего...

– Охренел? – почти с ужасом откликнулся Кирилл. – Не лезь лучше.

– Не... – Хрящ и сам боялся, но сила, которая тянула его в компанию этих неприступных мужественных парней, была неодолима. Все знали, что Хрящ помешан на пятнистой форме, десантных ножах, беретах и высоких ботинках. Он просто обязан был вступить в контакт с бойцами, оказавшимися на зарыбинской территории, чтобы потом козырять знакомством и небрежно рассказывать пацанам про калибры и бронебойные сердечники, радиусы разлета осколков и составы стали клинка.

– Я пойду, в общем...

Он отделился от стены павильона и медленно зашагал к группе бойцов, стараясь изображать случайного прохожего. Впрочем, его старания пропали зря – никто не обратил на него ни капли внимания.

– А это с гранатометом, да? – заискивающе спросил Хрящ у ближайшего десантника, тыкая пальцем в винтовку.

Боец на мгновение скосил на него глаза, но ничего не ответил. Более того, он даже чуть отодвинулся от Хряща. Тот потоптался рядом еще несколько секунд и, опозоренный, вернулся к своим.

Здесь он уже не был робким восьмиклассником, поэтому сплюнул под ноги и тихо процедил:

– Коз-зел, блин... Не хочет говорить.

– А на фиг ты ему? – пожал плечами Кирилл.

– Хр-р, – согласился Гена.

Между тем командир десантников, кажется, вознамерился что-то предпринять. Он выпрямился и решительно сказал Дутову:

– Ну все. Убирайте людей.

Дутов расправил плечи и даже чуть было не приложил ладонь к козырьку. Он схватил рацию и побежал организовывать подчиненных. Оказавшийся

неподалеку Адмирал Пеночкин тоже козырнул и, запахнув шинель, куда-то зашагал.

Парни настороженно ждали, догадываясь, что и их сейчас начнут мало-помалу отсюда убирать. Действительно, через какое-то время командир обернулся и встретился глазами с каждым из них. Все заметили, какой он загорелый, моложавый, похожий на заграничного киноартиста.

Командир пошевелил пальцами, показывая, что ребятам следует отойти. Те, конечно, послушались. Но слишком далеко отходить не стали. Устроились между бревенчатым зданием собеса и забором и продолжали наблюдать оттуда.

Дутов со своей милицейской гвардией тем временем старался очистить улицу. Это было совсем не просто. Любопытные физиономии высовывались из окошек, из-за заборов и из ветвей деревьев. Дутов надрывался в крике, его сержанты уже взмокли, разгоняя бестолковое человеческое стадо по безопасным углам. Стадо не слушалось и опасностей не боялось.

Кончилось тем, что Дутов наорал на Адмирала Пеночкина, который ошивался поблизости. Тот сначала замер с разгневанным лицом, глядя на майора сверху вниз, потом ссутулился и побрел прочь.

– От-тана! – обрадовался Хрящ. – Они уже чего-то делают.

– Аппаратуру готовят, – кивнул Кирилл.

Двое десантников стащили с себя ранцы и разложили из них что-то вроде походного столика, на поверхности которого поблескивали глазки и шкалы. Примчался Дутов, покрасневшийся и донельзя рассерженный.

– Можно начинать, – сказал он, держась за сердце.

Очистить улицу полностью так и не удалось. Людей лишь отогнали подальше, убрали с наиболее открытых участков. О том, чтобы удалить публику совсем, и речи быть не могло. Каждый зарыбинец готов был до конца бороться за свое право присутствовать при событии, которое, возможно, станет легендарным.

Впрочем, командира десантников, похоже, все устраивало. Он что-то тихо приказал своим бойцам и снова приткнулся к углу павильона, наблюдая за универмагом. Дутов старался быть рядом, но ему что-то сказали, и он тоже отошел – сначала за дерево, потом еще на несколько шагов – и наконец оказался совсем близко от ребят.

– Сан Палыч! – приглушенно позвал Хрящ. – Чего делать будут? Взрывать или стрелять?

– Да подождите вы! – в сердцах выкрикнул майор, и в его слова влилась вся неприязнь, все раздражение и злость в адрес бестолковых и бесполезных людишек, которые даже в такой критический момент только и знают, что надоедать.

– Ладно, подождем... – пожал плечами Хрящ. – Сами поглядим.

И в ту же секунду раздался громкий металлический удар. Два треугольника столкнулись в воздухе и, беспомощно вращаясь, начали разлетаться, неуклонно падая. Один рухнул на виду у всех, посреди улицы, разломившись на несколько бесформенных кусков. Второй глухо грохнулся где-то за деревьями. Кто-то пронзительно закричал.

– Во! Видали? – назидательно произнес Дутов, обернувшись к парням. – А вам все надо лезть...

Ребята пришибленно промолчали. Уж больно пугающим был крик из-за деревьев. Только Хрящ едва слышно прошептал:

– От-тана попала...

Командир десантников тем временем отодвинулся от своего угла и подошел к походному столику-пульту. Быстро взглянув на показания приборов, он что-то уточнил у бойца и сказал ему: «Продолжаем». После этого снова вернулся на свой пост.

– Понятно? – многозначительно заявил Хрящ. – Вот, блин, техника. Все сигналами сбивают, даже не стрельнули ни разу.

– Хр-р, – с уважением отозвался Гена.

Командир продолжал операцию. Он надвинул на лицо щиток шлема. Шлем у него был не такой, как у остальных десантников – более угловатый и какой-то замороченный. Похоже, в него была втиснута масса разных микрофонов, объективов, антенн и иных приспособлений.

Подкрутив что-то в районе уха, он едва заметно пошевелил рукой, и бойцы побежали к универмагу. Они двигались почти в открытую, даже не пригибались.

В тот же момент внутри захваченного здания что-то затрещало, загрохало, в окне второго этажа возник клуб черного дыма, который тут же растаял. Еще через несколько секунд воздух дрогнул от тяжелого грохота, из окон универмага веером вылетело несколько дымящихся обломков, которые упали далеко, за пределами видимости. И тут же поднялся целый столб дыма и пыли через улицу от универмага. Оказалось, рухнула стена – часть фасада парикмахерской.

Народ наконец сообразил, что шутки кончились. Уже почти никого нельзя было заметить на затянутой дымом улице. Даже героический Адмирал Пеночкин куда-то запропал.

Приятель сидели, вжав головы в плечи, и боялись пошевелиться. Все трое хотели бы сейчас оказаться подальше отсюда, но ни один не признавался в этом. Вскочить и убежать не представлялось возможным – неизвестно, с какой стороны могла примчаться опасность. Вполне вероятно, что и с неба – в виде очередного дымящегося куска.

Командир вроде бы ничего не делал, просто наблюдал. Лишь иногда начинал незаметно шевелить рукой, словно что-то показывал – но кто мог это увидеть?

Похоже, бойцы и без него прекрасно знали, чем им заниматься. Они, стоя прямо под окнами универмага, забрасывали в них какие-то черные цилиндры. При этом ничего не взрывалось и не рушилось, только было слышно, как эти штуки с металлическим звоном падают внутри здания.

Потом командир махнул рукой бойцу за пультом. Снова дрогнул воздух – и из окон универмага поперла пышная желтая пена! Она пошла мощным объемистым

валом, как тесто из кастрюли, и на подоконниках моментально повисли большие складки. И тут...

И тут все кончилось.

* * *

Командир снял шлем и преспокойно вышел из-за угла. Его бойцы закинули за спины свои устрашающие автоматы. Дутов тоже поспешил к ним, отирая на ходу пот со лба. Он что-то коротко скомандовал в рацию, после чего припустился еще быстрее.

Потом к универмагу совершенно открыто и безбоязненно подкатил «ГАЗ»-фургон, на котором обычно возили бидоны с молоком. Робко показались первые зеваки из подворотен. Добровольные помощники подключились к погрузке обломков треугольника в фургон машины. Несколько бойцов, получив указание от старшего, вошли в двери универмага. Все протекало спокойно, буднично, даже чуть скучновато.

Дутов, опомнившись, велел своим подчиненным разгонять зевак обратно по переулкам. Сержанты лениво прикрикнули на горожан, и те действительно обозначили некое небольшое движение назад. Но никто, конечно же, не ушел.

Почти всем удалось увидеть странную картину. Десантники, выходя из универмага, тащили на себе большие желтые куски – затвердевшую пену. Из нее торчали руки и ноги каких-то людей, они вяло шевелились, подергивались. Эти куски тоже забрасывали внутрь фургона.

– Клеем залили, – мрачно констатировал Хрящ, который вместе с остальными приятелями перебрался поближе к самому интересному.

– Раз – и все, – вздохнул Кирилл. Всех немножко разочаровало, что террористов взяли так просто и быстро и что десантники какие-то скучноватые, словно землекопы на траншее.

На улице, впрочем, начиналось тихое ликование в честь блестящей победы. Зарыбинцы восхищались своими освободителями. Оперативно открыл створки

своего ларька армянин Баданян, тут же рядом изогнулась небольшая очередь. Мужики хохотали, громко перекликались и звенели мелочью, рассчитывая, кому хватит только на пиво, а кому и на что посерьезнее.

Адмирал Пеночкин прохаживался среди людей, улыбался и покровительственно похлопывал некоторых по плечу. Он улыбнулся даже Дутову, который совсем недавно на него наорал. Уже мелькали в толпе белые воротнички и блестящие лысины начальства из горсовета.

Небольшая, но плотная толпа окружила командира. Ему предлагали выпить и наперебой что-то рассказывали. Некоторые зарыбинцы пристроились и к рядовым бойцам, напрашиваясь на дружеский разговор. Есть такая черта у мирных тружеников: когда в центре внимания появляется военный, все сразу принимаются доказывать и свою причастность к разным военным делам. Один вспоминает, как метко завалил мишень лет двадцать назад, другой гордится удачно брошенной учебной гранатой, третий неустанно перечисляет, какие танки и ракетные тягачи ему приходилось отмывать от мазута, четвертый, за неимением собственных достижений, говорит: «Мой-то младший тоже вот сейчас служит».

Впрочем, командира десантников, похоже, меньше всего сейчас интересовали ностальгические воспоминания зарыбинцев. И братание армии с народом, судя по всему, в его планы не входило. Он был чем-то встревожен. Неожиданно, осторожно раздвинув людей, он снова вошел в универмаг. Побыл там какое-то время и вернулся еще более озадаченный. Спросил что-то у Дутова, потом еще у кого-то. Наконец обратился ко всем:

– А машина? Никто не видел машину? Возможно, побитая, обгорелая...

Несколько человек сразу вспомнили про пострадавший пожарный «ЗИЛ».

– У реки осталась! – понеслось с разных сторон. – Налево от шоссе!

Шофер фургона с радостью вызвался показать дорогу.

Тем временем Гена заметил в толпе Паклю и со звуком «хм» ткнул в его направлении пальцем. Пакля был какой-то ошарашенный, будто только что получил прикладом по голове. Он и сам увидел всю троицу и ринулся к ней,

натываясь на встречных.

– Видели? – задыхаясь, проговорил он. – Там... за хозяйственным магазином... Видели?

Ребята побежали к хозяйственному. Здесь тоже стояла толпа, только какая-то молчаливая. Ни единого признака ликования.

Хрящ подскочил первым и замер, ошеломленно глядя перед собой. Оказалось, рухнула старинная кирпичная арка в заборе. Ее завалил сбитый треугольник – его куски блестели по другую сторону забора. Но ужасным было не это.

Ребята робко приблизились. Люди здесь стояли тихо, лишь качали головами и охали. В самом центре толпы была Машка Дерезуева, бледная, как полотно, и неподвижная. Перед ней – серая «Волга», напрочь раздавленная рухнувшей стеной. А внутри...

Сквозь кирпичную пыль, обломки и кусочки стекла можно было разглядеть ткань серого пиджака. Внутри машины были Машкины родители. Оба – мертвые. Из-под покореженной дверцы натекла лужица крови.

Машка нашла своих родителей.

Кирилл поспешил отойти, ему стало нехорошо. Гена – тот вообще близко не подходил, он стоял в отдалении и растерянно хлопал глазами.

– От-тана... – с горечью вздохнул Хрящ.

Потом откуда-то появился командир десантников. Он прошел сквозь людей, те молча посторонились. Остановился возле Машки и, тронув ее за локоть, что-то спросил. Машка безучастно кивнула.

Он повел ее куда-то, и она пошла покорно, как кукла. Люди молча смотрели вслед, потом кто-то тихонько сказал:

– Ну ничего... Он военный человек, он успокоит. Он такое горе каждый день, наверно, видит. Он знает, как...

Никто, кажется, не заметил момента, когда десантники покинули город. Они исчезли, словно их никогда здесь и не было. Улица, однако, не пустела до поздней ночи.

Приехали рабочие, начали разбирать завалы. Медики увезли родителей Машки, с трудом вытащив тела из покореженной «Волги». Собрали в специальный мешок и то, что осталось от Травкина. Пятно на асфальте закидали песком. Плотники забили фанерой зияющие окна универмага.

Народ все ходил, перетасовывался из кучки в кучку, делился переживаниями. Старухи зорко следили, не блеснет ли где оставленная пустая бутылка.

Зарыбинцы никак не могли смириться с мыслью, что все уже кончилось. Слишком уж громкое начало – и такой неожиданно быстрый конец. Они вновь и вновь подходили то к рухнувшей стене парикмахерской, то к увечному зданию магазина, качали головами, вздыхали и общались в основном междометиями:

– Вон-на! Вишь, как?.. Вот же дела! Так-то вот...

Более прибавить было нечего, потому что никто по-настоящему и не понял, что именно произошло в городе в этот день.

* * *

Один примечательный факт все же ускользнул от внимания большинства горожан.

Вскоре после ухода десанта возле райотдела милиции остановился крытый брезентом «УАЗ» защитного цвета. Внутри сидел угрюмый, весь покрытый шрамами полковник в потертом камуфляже. Лицо его было покрыто шрамами. Рядом с ним находились четыре таких же угрюмых бойца с боевыми автоматами в мускулистых руках.

Дежурный вызвал Дутова, тот очень быстро появился. Полковник спросил, куда подгонять бронетехнику. Дутов, бледнея, переспросил, какую бронетехнику.

В течение последующих тридцати-сорока минут работники райотдела слышали то рев разъяренного полковника, то жалобное бляение Дутова. Иногда можно было разобрать отдельные фразы: «А я откуда знал?! Они тоже сказали, что спецназ... Да зачем же сразу трибунал? Я подумал, что это свои...»

Трибунал Дутову, конечно, вряд ли грозил. Но сам факт, что у него под носом непонятно кто обезвредил и вывез вооруженную банду, жестоко потряс майора. Настолько, что последующие двое суток он не вылезал из дома, возвращая душевное равновесие с помощью популярного сорокаградусного напитка в компании доброй и отзывчивой Алины Поповой – местного инспектора по делам несовершеннолетних.

* * *

Каждый город имеет свое почти человеческое лицо. И с каждого города, пожалуй, можно нарисовать портрет.

Есть города с романтично разбросанными по плечам волосами. Есть города с квадратной челюстью. Есть города с седыми академическими бородками. Есть – с поджатыми губами.

Зарыбинск был городом с вечно удивленными глазами.

Удивление, а точнее, эдакое робкое недоумение было главным настроением, свойственным Зарыбинску и его обитателям. Это явилось итогом многих обстоятельств и имело глубокие корни.

Удивление окутывало любого зарыбинца еще в момент рождения. Это и понятно – детям свойственно удивляться. Новый, девственно чистый человек появлялся на свет под квохтанье деловитых куриц, прохаживающихся под окнами роддома, под фырканье лошадей, под звон посуды в приемном пункте, звонкий переклик старух на огородах. Есть ли кому-то дело, что в мире стало одним жителем больше? Знает ли мир, что этот житель должен хоть в малой мере изменить его?

Человек понемножку рос, все яснее осознавая свое место среди этих пыльных улиц, скрипучих дверей, шатких заборов, гроыхающих по разбитым дорогам грузовиков, запаха дров и дыма, жужжания мух на окнах, ночного перелая собак

и звона церковных колоколов.

Потом человек попадал в школу, о которой был, конечно, достаточно наслышан, о которой читал в книгах и смотрел в передачах. И вдруг с удивлением обнаруживал, что вместо светлых чистых классов он попадал в низкие комнаты с провисшими потолками, в узкие полутемные коридоры и холодные уборные. А вместо семьи добрых товарищей его окружает дикое, орущее, злое, дерущееся, истеричное стадо человеческих детенышей. И вдруг оказывалось, что и сам он – ничем не примечательная часть этого стада.

И все готов был терпеть юный человек – осклизлые котлеты в столовой, жестокие детские разборки за сараями, вывернутые и опустошенные карманы, когда оставляешь пальто в раздевалке,дохлых мышей в карманах, когда отказываешься курить или разводить костер под привязанной кошкой, насмешки учителей, окончательно уверенных в том, что их ученики – кретины... Все терпел человек, потому что еще ждал его большой мир, а в том мире многое требовалось изменить.

Но кончалась школа, и надо было что-то решать. А родителям накладно отправлять чадо учиться в областной институт. Тем более что рядом было несколько уже проторенных дорожек – училище механизаторов да аграрный техникум, прозванный в народе «навозной академией». От школы они отличались тем, что преподавателей можно угощать сигаретами, а ходить на занятия необязательно.

Уходя с новенькими шоферскими правами в армию, молодой человек обнаруживал там целое скопище таких же удивленных. Но там у каждого имелась своя печаль, и вообще это тема для другой истории.

Человек возвращался, повзрослев, но свой маленький мир он заставлял точно таким же: все так же гуляли по дворам курицы, и тряслись по ухабам грузовики. И опять наставало время удивляться – выходит, за все это время никто даже не попытался ничего изменить?

Но невелика печаль, когда впереди еще целая жизнь. Хоть и вновь приходилось идти по проторенным дорожкам – будь то промзавод или молочный комбинат, элеватор или автохозяйство. Да только и там царило сплошное недоумение. «Может, все еще впереди?» – робко надеялся человек, глядя на своих собратьев,

которые бродили из угла в угол, просили друг у друга мелкие деньги в долг, курили одну папиросу на троих, жаловались на плохую организацию труда. Иногда, правда, приходилось что-то делать – например очищать сарай от проржавевшего насквозь оборудования или подтаскивать баллон, чтобы заварить «Жигули» кому-нибудь из знакомых директора. Но мир от этого не менялся. Совсем не менялся.

Человек ждал, а годы все шли, шли... И постепенно чувство сладкого ожидания все больше вытеснялось недоумением, которое мрачным облаком висело над городом. И в какой-то момент человек мог остановиться посреди улицы, увидев клубную афишу с сообщением о концерте областной филармонии, и удивленно подумать: «Что это, кому это? Неужели где-то еще шевелится какая-то жизнь?»

Или, наткнувшись блуждающим взглядом на вывеску районной библиотеки, он вдруг начинал хмурить брови, силясь вспомнить: «Какой прок скрывается за этими стенами?»

Неожиданно человек обнаруживал, что он уже стар. Что он болен, что он уже не может ходить и работать, что он умирает. И тогда его посещала последняя, но самая горькая доля удивления: «Как же так, когда это произошло, ведь я еще собирался?..»

А под окнами все так же прохаживались курицы и храпели лошади. И все те же грузовики месили грязь или поднимали колесами пыль.

* * *

Уже через три дня после налета на универмаг трудно было понять: а было ли что-то на самом деле или померещилось?

С одной стороны, народ только об этом и говорил. Но с другой, почти ничего, кроме изуродованных зданий, о происшествии не напоминало. Убрали завалы, вставили новые стекла в универмаге, начали латать рухнувшую стену напротив. Ну, конечно, похоронили погибших.

А потом и старик Плюгаев воцарился с мухобойками на привычном месте, как знак стабильности, символ размеренных будней.

Но ни одного внятного объяснения так и не появилось. Районная газета, которая прежде могла посвятить целый разворот причинам миграции полевой мыши или новой версии гибели динозавров, вообще не заметила чрезвычайного происшествия. Ни единого слова о вторжении в город вооруженной банды она не напечатала. Не считая маленького некролога по поводу «безвременной кончины» родителей Машки Дерезуевой.

Впрочем, это молчание объяснялось просто. После эмоциональной беседы, которую начальник милиции имел с суровым полковником, на происшествие была наложена печать государственной тайны. Дутов был этому очень даже рад и с большой охотой убедил районное начальство сохранять солидное молчание. Ничего не было – и точка. А народ пусть себе болтает что хочет.

А народ и болтал. Как молодой ручей находит себе путь среди нагромождения камней, так и людская мысль отыскивала наиболее простую дорожку в запутанном лабиринте обстоятельств.

Собственно, народная версия облетела город уже под конец второго дня. Об этом говорили вполголоса. Мол, зенитчики сбили над Зарыбинском иностранный самолет с диверсионным отрядом – все слышали странный гром. Самолет летел на Москву, но за неимением лучшего, вражескому десанту пришлось захватывать Зарыбинск. До горсовета дойти не успели – засели в магазине. Или просто перепутали вывески – нерусские же!

Народ сходилась во мнении, что на спокойствие Зарыбинска посягнули какие-то «исламцы». Неизвестно, кто первый предложил эту мысль, но утвердилась она легко. В самом деле, не американцы же...

Потом появились наши и быстренько разделались с интервентами. Просто и красиво, как, впрочем, и подобает доблестной русской армии.

Не всех, конечно, устроил такой бодрый патриотический сценарий, но мыслящие люди, как известно, часто бывают в меньшинстве. В Зарыбинске это правило никогда не нарушалось.

* * *

Район Промзавода был еще не городом, а одноэтажным поселком, вплотную примыкающим к Зарыбинску. Жилые дома так тесно соседствовали с производственными постройками, что часто нельзя было понять, где находишься: еще на улице или уже на территории завода.

И там, и там пространство было одинаково захлавлено бетонными глыбами, ржавыми скелетами механизмов, мотками измочаленного троса, мятыми и вонючими железными бочками и еще бог знает чем.

Гимназисты старались эти унылые места не посещать. Но у Кирилла так не получалось. На Промзаводе жила его бабка, и время от времени он обязан был наносить ей родственные визиты.

На этот раз мать послала его с простым поручением: отвезти семена тыквы, это был какой-то особенный, сладкий и душистый сорт.

Бабка, естественно, была прослышана о происшествии в центре города, хотя лично там не присутствовала. Все уже знали про стрельбу и взрывы, даже жители окрестных деревень, приезжая за хлебом и крупой, вполголоса спрашивали у продавцов:

– Тут у вас прямо штреляли, да? Вот же, а! Уже прямо в людей штреляют!

Пока Кирилл сидел на веранде дома перед кружкой с невкусным жидким чаем, бабка собирала его в дорогу, набивая брезентовую сумку банками, огурцами, сушеными грибами и прочим старушечьим капиталом.

– И что ж, прямо на улице палили? – сокрушенно спрашивала она. – Прямо из ружей, да? Ах ты, деточка... Ну в тебя-то не попали? Ты-то хоть спрятался? Ах, беда какая, ну беда... Ну хоть поймали их, жуликов этих? Ну и то хорошо. А то, как же это – прямо на улице, из ружей...

Кирилл с облегчением дождался, когда можно было привязать сумку к багажнику и вскочить на велосипед.

– Ну ты гляди, поаккуратнее, – напутствовала бабка. – Теперь сам видишь как. На улице в честных людей палят...

Кирилл энергично крутил педали, стараясь объезжать ямы и булыжники. Дворовые собаки провожали его бесцветным, каким-то формальным гавканьем и не пытались преследовать. Стояла жара.

Там, где кончались дома и дорога шла немного под уклон, возвышалась старая водокачка. Кирилл собирался разогнаться и проскочить это опасное место с ветерком – как-никак здесь находилось логово промзаводских «болтов».

Но проскочить водокачку не удалось. На пути паслось целых пятеро местных пацанов. Дело, которым они занимались на дороге, было в общем-то характерно для их возраста, склонностей и образа жизни. Ребятишки долбили палками по ржавому заброшенному кузову «Москвича», соревнуясь, кто ударит погромче и оставит вмятину поглубже.

Кирилла сразу заметили, узнали. Оставив изувеченный «Москвич» в покое, неспешно, расслабленно выступили на дорогу. И встали, облокотившись на свои палки, так, что не объедешь.

Кирилл притормозил, опершись на одну ногу. Он постарался сделать это как можно ленивее и небрежнее, как и подобает для ритуала встречи двух враждебных племен. Побольше небрежности – мол, не очень-то надо ради вас, придурочных, совершать резкие движения.

Промзаводские стояли и смотрели с кривыми снисходительными ухмылочками. Все молодые – не старше пятнадцати, – но уже объезженные. У кого – нос набок, у кого – зубы через один. Все в униформе – турецких майках и вьетнамских джинсах, которые продавались в городе на субботних ярмарках в неограниченном количестве.

Они разглядывали Кирилла, как диковинную зверушку, которую случайно поймали в траве. Впрочем, одиночный гимназист в этом месте и был в некотором роде диковинкой.

Кирилл смотрел, и они смотрели. Положение выходило самое дурацкое. Он – солидный взрослый парень – встал столбом перед этими малолетками. Встал, хотя и не просили. Но и не встать было нельзя. Если б не притормозил, попробовал прорваться и задел кого-то велосипедом – дал бы им вождеденный повод. Тогда точно расколбасили бы своими палками до состояния жеваной

моркови.

И они тоже стояли, не зная, что делать дальше. С одной стороны, пойманного гимназиста надо как-то наказать. Но формального повода для нападения не было. Будь на их месте старшие, у которых в голову заложен какой-никакой кодекс поведения, они бы, пожалуй, пропустили Кирилла. Ну разве что наорали бы гадостей вслед.

У молодняка же обостренная реакция на чужих, им и повода не надо. Поймать на своей территории гимназиста, да еще на велосипеде, с какой-то сумкой – и что же, пусть едет? Ну нет! Раз уж попал сюда, пусть узнает, кто он здесь!

Кирилл напряженно думал, как выпутаться из глупой ситуации. Можно заискивающе сказать: «Ну ладно, пацаны, пустите... Спешу я».

Может, отойдут. Но потом целый месяц будут рассказывать, как взрослый гимназист перед ними плакался и сопли размазывал, умоляя отпустить.

Можно рывкнуть, как подобает взрослому. Тогда точно отбуцкают. Были бы взрослые – не так стыдно. Но эти мокрогубые щенки...

– Алле, Гимназия! – хриплым басом проговорил один из промзаводских – худой, губастый, с бешеными ромбовидными глазами. – Че здесь забыл?

Кирилл открыл было рот, но внезапно понял, что ему нечего сказать. Отвечать на хамские вопросы – значит, ставить себя на ступеньку ниже этих молокососов. Отвечающий, как правило, существо более низкое и зависимое, чем вопрошающий.

Нет, вопреки всему, он должен играть по своим правилам. И говорить надо так, чтобы не он перед ними отчитывался, а они на его вопросы отвечали. Да только как извернуться?

– Старшие где? – это было все, что придумал Кирилл. Он не успел, правда, подумать, куда заведет его такая дорожка.

– Зачем тебе?

– Не твое дело. – Разговор, кажется, принимал верный тон. При упоминании о старших молодняк присмирел. В дела старших не следует вмешиваться.

Кирилл уже чуть успокоился, хотя пока не выиграл эту партию. Еще предстояло выпутываться. Он рассчитывал, что малолетки сейчас скажут, где искать старших, и он поедет, посмеиваясь.

– Дрын! – заорал вдруг губастый.

– Чего? – донеслось из-за забора водокачки.

– Тут тебя спрашивают.

Кирилл похолодел. Все стало в десять раз хуже, чем было. Что он скажет Дрыну? Это уже не шутки – кто мог подумать, что Дрын в такую рань будет торчать на водокачке?

– Чего? – зубастая физиономия Дрына появилась над забором. – Кто?

Тут он увидел Кирилла. Его ухмылка вдруг видоизменилась, став высокомерной и сурово-решительной.

При этом он удивился, да так, что даже перелез через забор и пошел к Кириллу. Но вовремя остановился – не пристало промзаводским парням бегать к гимназистам. Сами подойдут, если им надо.

– Чего? – подозрительно спросил он, останавливаясь в десяти шагах от Кирилла. Ухмылка его оставалась суровой – пусть этот гимназист не думает, что с ним тут будут дурачиться. Если без серьезной причины побеспокоил – пусть не жалуется.

Кирилл, обливаясь холодным потом, выдумывал эту причину. Он заметил, что над забором появилось еще несколько голов – промзаводская свора прожигала его презрительными взглядами, словно перекрестным огнем пулеметов.

– Разговор есть, – выдавил наконец Кирилл.

– Ну говори.

Говорить на таком расстоянии было не очень-то удобно, и Дрын прекрасно это понимал. Тем лучше. Пусть гимназист помучается и унижится.

– Не для детских ушей, – сказал Кирилл и кивнул в сторону молодняка.

Это было, конечно, лишнее. Явный перебор. Но требовалось выиграть время, а иного способа Кирилл не изобрел. Он сжигал за собой один мост за другим, с каждой минутой все больше себя обрекая.

Собственно, Дрын сейчас мог послать его куда подальше с такими заявочками. Но ему было жутко интересно, какая чрезвычайная причина заставила этого дрожащего гимназиста притащиться в самое сердце Промзавода. Поэтому Дрын махнул головой своим парням: отойдите.

Те отошли. Правда, не слишком далеко – на пару шагов. Их тоже распирало любопытство.

– Ну? – требовательно проговорил Дрын.

– В общем, это... – у Кирилла ужеплыли круги перед глазами. Он безвозвратно увяз. Это не бой стенка на стенку перед крыльцом клуба и не массовый карательный рейд в стойбище врага. Это западня, которую сам себе выкопал. И сам должен вылезать – никто не поможет.

– Ну что? – проговорил Дрын уже с раздражением.

– Насчет денег, – еле выговорил Кирилл, мысленно колотя себя по губам. – Мы со своими решили деньги собрать для Машки Дерезуевой.

Кирилл и сам не знал, как такая кошмарная мысль могла прийти к нему в голову. Но это был единственный спасительный просвет, в который ему удалось скользнуть. Ничего лучшего воображение не выдало. Это был правдоподобный повод для разговора, повод, который требовался сейчас как воздух.

В самом деле, такое уже случилось. Три года назад у одного из промзаводских утонул на плотине маленький брат. И тогда действительно все скинулись на помощь родителям – и Промзавод, и Гимназия.

– Машке, короче, надо помочь, – добавил Кирилл негромко. – У нее родителей убило.

– Знаю, – огрызнулся Дрын. Ему вдруг стало немного досадно, что такая идея пришла к гимназистам, а не к нему. Впрочем, Дрыну хватило гордости, чтобы не начать врать: «Да, конечно, мы и сами хотели...»

– Сколько собираем? – деловито спросил Дрын, хотя ответ был в общем-то понятен.

– Сколько получится, – сдержанно пожал плечами Кирилл. – Сколько не жалко.

– У вас на Гимназии уже сколько собрали?

– Не знаю, не считал, – Кирилл обмирал от осознания того, что повис над пропастью. Игра завела его чересчур далеко, не остановишься.

– И когда надо отдавать деньги Машке?

Знал бы Дрын, как бессовестно его сейчас водят за нос, он вбил бы Кирилла в землю одним ударом. Сам бы не вбил – друзья бы подсобили вбить поглубже, по самую голову. А голову оторвали бы и в кусты закинули.

Но никто ни о чем не подозревал. И Кириллу приходилось идти по шаткому мостику дальше.

– Ну, три дня, думаю, хватит, чтоб собрать, – сказал он.

– Хорошо, – Дрын испытующе посмотрел на него. – Через три дня сходимся... Где? На памятнике.

Он, конечно, не упустил возможность навязать свои условия. Впрочем, это были приемлемые условия: памятник Ильичу был нейтральной территорией. Там

стояли скамейки, краснели пионы и прогуливались мамы с колясками. Там можно было вести дипломатию.

– Через три дня, – кивнул Кирилл и своим видом дал понять, что намерен ехать дальше.

На лицо Дрына вернулась обычная зубастая ухмылка.

– А чего в сумке-то? – спросил он. – Деньги, что ли, ездил, собирал?

– Нет, не деньги, – спокойно ответил Кирилл, отталкиваясь от земли и устраиваясь в седле. Малолетки расступились и многозначительно посмотрели вслед.

– Э, постой! – крикнул вдруг Дрын. – А кто деньги Машке отдавать будет?

Вопрос был совсем не праздный. Кириллу даже пришлось остановить велосипед и снова встретиться с Дрыном глазами.

Вопрос был принципиальный. Кому достанется эта почетная и приятная миссия? Идти к Машке совместной делегацией совершенно невозможно, это сознавали даже сопливые пацаны. Промзавод и Гимназия не могут прогуливаться бок о бок, поскольку это было бы сокрушительным ударом по древним устоям городской молодежи. Даже для благородной цели нельзя идти против устоев. Потому что на них держится порядок и ясность жизни. А порядка и ясности и так не хватало.

Нести по отдельности каждый свою долю – значит, разводить мелочные церемонии. А мелочиться тут нельзя. Надо прийти, положить на стол и сказать: «Вот тебе, Машка, от зарыбинских пацанов».

– Кто понесет-то? – повторил Дрын, настороженно поглядывая на Кирилла. Тот уже понял, что не отделается дежурным «А какая разница?».

Опять начались сложности. Сказать: «Гимназия понесет», – значит, признать, что Гимназия готова купить себе авторитет за деньги Промзавода. И на те же деньги блеснуть благородством перед красивой девчонкой.

Сказать: «Вы понесете», – с какой стати? Чего ради дарить промзаводским жлобам возможность показать, какие они хорошие и добрые? Да и не мог Кирилл сказать такое от имени всей Гимназии.

– На памятнике решим, – сказал он наконец.

– А как решим? – не отставал Дрын.

– Монетку бросим.

– Монетку? – Дрын на секунду задумался и признал, что так будет справедливо. – Ладно. Присмотрите, чтоб нормально уехал...

Последние слова адресовались малолеткам, которые с усердием бросились выполнять указание. Это был не знак уважения, а совсем наоборот. Не эскорт был приставлен к Кириллу и не охрана, а скорее конвой. «Посмотрите, чтоб нормально уехал» – мол, глядите, как бы не натворил тут чего. Шастают всякие...

Кирилл понимал это и, сгорая от стыда, медленно крутил педали. Разогнаться не позволяла гордость – несолидно, похоже на бегство. Он ехал по улице поселка в сопровождении прыщавых малолеток, словно преступник, которого на виду у народа ведут в клетку. Да и сами малолетки имели такой важный вид, будто действительно конвоировали военнопленного.

Со стороны это выглядело, может быть, и смешно. Но потрепанные в уличных боях мальчишки смешными себя не считали. Наоборот, они видели себя воинами, суровыми и крепкими мужиками, которым командир поручил выдворить вон врага.

Нет для пацана лучшего шанса почувствовать себя взрослым и серьезным, чем найти себе врага и поступить с ним, как с врагом. Бегая с игрушечным пистолетом по тропинкам детского сада, толстощекие мальчишки впервые познают эту сладострастную радость – охота на врага. С годами их игры в войну становятся все жестче, в них появляется настоящая кровь и настоящая ненависть, но это по-прежнему игры – игры в своих и чужих.

Кто взрослее: подросток, разбивающий недругу нос в заплеванном школьном туалете, или его сверстник, выигрывающий у отца партию в шахматы? У родителей на этот счет одно мнение, у детей – совершенно обратное.

Для них восемнадцатилетний солдат, сносящий выстрелом из гранатомета чей-то дом, выглядит куда взрослее и выше того, кто этот дом долгими днями и трудами строил. Да и сам солдат в детском саду возводил песочный домик лишь затем, чтобы потом раздавить его игрушечным танком.

Воин всегда втайне презирает труженика – того самого, который его кормит, одевает и вооружает. Так было и так долго еще будет.

И потому молодая гвардия Промзавода, сопровождая недруга по дорогам своей земли, была сейчас гордой и грозной.

А взрослый Кирилл, увы, находился в роли слабого мальчика. И этот мальчик крутил педали велосипеда, не переставая думать одно и то же: «Что я наделал?!»

* * *

Денис Романович Паклаков рылся в помойках вовсе не потому, что был бедным. Напротив, столь рачительного и хозяйственного мужчину в Зарыбинске еще поискать!

Он имел свое хозяйство. Довольно большой и ухоженный дом, к нему – садик с вишней и крыжовником, во дворе под навесом мотоцикл с коляской. Сарайчик, где на отдельных полочках разложено многообразие слесарно-столярного и садового инструмента. Также два огородика в предместьях Зарыбинска – один с картошкой, другой с прочими овощами. И плюс ко всему – умелые руки.

Денис Романович получал обыкновенную стариковскую пенсию, но бедным себя не считал. Главным образом потому, что имел возможность не покупать большинство необходимых вещей. Конечно, за хлебом и сахаром ему приходилось ходить в магазин. Но все остальное – от резиновых сапог до старого радиоприемника – Денис Романович брал от природы.

Он сам так говорил – «взять от природы». Это означало: выпросить у соседей, выменять у знакомых, найти у кого-нибудь на чердаке. Или раскопать на помойке.

Разумеется, ничего путного таким методом он добыть себе не мог. Поэтому приемники в его доме всегда хрипели и кашляли. А резиновые сапоги, в которых Денис Романович выходил в сырую погоду, были не только разного цвета, но и разного размера.

Денис Романович любил помойки тайной, но пламенной страстью. Они влекли его, манили, как может манить золотоискателя сон о Золотой речке. Денис Романович не переставал изумляться, как легко и безмятежно могут расставаться люди с такими замечательными и вполне еще пригодными вещами. Его можно было застать радостно смеющимся, когда он на вершине очередной мусорной кучи разглядывал очередную прекрасную находку: немножко порванный зонт, или неработающий будильник, или кофейник без ручки, или хоть обколотый гипсовый бюстик.

Необходимо заметить, что умелые руки Дениса Романовича одинаково легко возвращали к жизни и зонтики, и будильники. И даже бюстики склеивали.

В то утро Денис Романович забрался довольно далеко от города. Почти час он крутил педали велосипеда, пока добрался до вновь открытого месторождения замечательных вещей.

К слову сказать, велосипедов у него было четыре, не считая еще трех детских. И мотоцикл. Но тяжелую технику он без крайней нужды не беспокоил, экономя топливо и моторесурс.

Новая свалка появилась в окрестностях города благодаря ремонту большого моста через Подгорку. Мост был на федеральной дороге, поэтому ремонт затеялся серьезный – на целых четыре месяца. В километре от моста все эти месяцы грузовики сваливали в кучи старые бревна, проржавевшие трубы и швеллеры, а также многочисленные следы жизнедеятельности рабочих – от перегоревшего электрочайника до раздавленной пластиковой каски.

Свалка Дениса Романовича разочаровала. То ли ее уже разграбили конкуренты, то ли у рабочих-ремонтников не хватило фантазии выбросить что-то

поинтереснее старого чайника или забрызганного битумом ведра.

Свалки, где нет хороших вещей, были для Дениса Романовича все равно, что голая пустыня. И сам он становился горе-путником, потерявшимся в ней. С испорченным настроением он уже собирался в обратный путь, как вдруг глаза его зацепились за нечто странное.

Собственно, мимо этого «нечто» он прошел сегодня уже раза три, но почему-то не обратил внимания. Может, потому, что глаз был нацелен на мелкие вещи – а тут валялся здоровенный железный контейнер.

Просто большая железка – ржавая и местами обгоревшая. Кое-где помятая. Возможно, просто перевернутая строительная бадья для раствора.

Но какие-то потайные инстинкты не позволили и на этот раз скользнуть мимо равнодушным взглядом. Практичный ум Дениса Романовича активизировался.

Он подошел. Это была все-таки не бадья, а действительно контейнер. Большой, со всех сторон закрытый контейнер трапециевидных очертаний – как крышка гроба. На поверхности «уши» для тросов, какие-то выпуклости, впадины...

Денис Романович стукнул по железному боку ногой и удивился, какие мощные, толстые стены у этой ржавой коробки.

Он зашел с другой стороны. Здесь имелась двустворчатая дверь. Одна половинка приоткрыта и чуть перекошена. Впрочем, открылась она легко, лишь ржавчина чуть скрипнула на петлях. Внутри был прохладный мрак. Потолок оказался низковат – взрослому человеку приходилось чуть пригибать голову. Денис Романович осторожно пролез внутрь и присел на корточки, привыкая к темноте.

В первую очередь его порадовало, что внутри контейнер не такой ржавый и горелый, как снаружи. Наоборот, все чистенько, гладко. Пол, правда, был неровным – по нему шли два ряда больших бесформенных впадин. Это наводило на мысль, что здесь все специально приспособлено для укладки каких-то крупных предметов. И наверняка хрупких.

Денис Романович выбрался на воздух. Светило солнце, распалаясь перед полуденным пеклом. Лениво покрякивали в далекой вышине птицы. Денис Романович задумался.

Эта большая железная штука могла бы занять достойное место на его загородном наделе. Назначение – сарай. И отличный сарай!

Дверь, правда, перекошена. Но можно поправить, подварить. Ржавые стены – покрасить. Кривую обивку с пола – отодрать. Приделать петли для замка – и готово! И от дождя укрыться, и инструмент на ночь оставить. И, конечно, урожай сложить перед тем, как вывезти. Да и вздремнуть можно в жаркий полдень – внутри же прохладно.

Денис Романович с приятным удивлением осознал, что сегодня «от природы» ему достался, по сути, готовый дачный домик. Не воспользоваться – просто грех. Осталось только вывезти.

Быстренько просчитав в уме варианты и ходы, он поспешил в город.

Уже вечером трудяга-автокран взвалил тяжеленную железяку на спину работяге-«КрАЗу», и тот повез контейнер на картофельный огородик Дениса Романовича.

С водителями он расплатился двумя небольшими канистрами с крепленным вином из черноплодной рябины. Вино он сделал сам, а что касается канистр, то об их происхождении очень даже легко догадаться.

* * *

Кирилл забрел на Гимназию после обеда. Именно в это ленивое, усталое и неинтересное время здесь начинали собираться люди разных возрастов и склонностей. Гимназия всех притягивала как магнит. К ней влекло, словно к наркотику. Человек без общества – пустое место, а Гимназия предоставляла это общество всем желающим.

И действительно, Кирилл обнаружил здесь общество, рассеянное на бревнах и ящиках. Здесь уже уютно похрюкивал Гена, рядом устроился конопатый Хрящ,

бревно заняли трое пацанов с Кислухи. Кислухой называлась улица Коммунаров, на которой располагался молочный комбинат.

Парни с Кислухи были поддатые. Что характерно, молодежь на Гимназии почти никогда не пила всем скопом. Добытая с великим трудом бутылка обычно разделялась где-нибудь в подворотне на двоих-троих. Лишь после этого счастливицы шли вкушать сладость общения.

Сегодня в центре внимания оказался Бабай – веселый прибалтанный мужичок лет сорока, который умел находить общий язык с любыми людьми. Утром, например, его могли видеть на берегу Подгорки, где он с сопливой малышкой забрасывал удочки. Днем он болтал с тетками на рынке, таская у них помаленьку семечки и таранку. Вечером, вдрызг пьяный, гоготал с мужиками в пивнухе. Или с ними же дрался смертным боем.

Что он ел и пил, чем жил и на что надеялся, оставалось тайной. Впрочем, под покровом подобных тайн жила немалая часть зарыбинцев.

Кирилл нашел свободный ящик, сел, как обычно, чуть в стороне, особнячком, независимо заложив ногу на ногу. И принялся слушать бодрый говорок Бабая.

– ...Ну и, между делом, пальтишко сняли, часики там, лопатничек. И ксиву, конечно, прибрали. Ну, и наваляли звездюлей, между делом. Так наваляли, что и тыква всмятку, и сам весь в грязище. Как свинья. Он, в общем, так до утра и провалялся, между делом. Только встал – бобик едет, хмель подбирает. Ясное дело: гражданин, пройдемте. Он им: «Я генерал из министерства!» Они ему – хрясь в тыкву, между делом. И в будку его ссыпали.

В буцыгарне опять ставнями зашлепал: я генерал, я генерал... Еще огреб по ошейнику, между делом. Тут соображение нужно. Когда чушкарь с расшибленным хайлом говорит, что он генерал, то его будут болячками обклеивать, пока красный дым из задницы не пойдет.

День прошел, думал, отпустят теперь, между делом. Ни хрена. Заслали его в бомжатник. Личность-то неизвестна, ксиву ведь вынули. Ну тут, правда, вся ментовская верхотура похмелилась, забеспокоилась, куда генерал пропал. Нашли, короче...

Он рассказывал очень артистично, в лицах, поэтому все надрывались от хохота – и Хрящ, и Гена, и пьяные пацаны с Кислухи, которые тыкались в землю руками, чтоб не свалиться с бревна. Бабай знал массу историй и рассказывал их с такими тонкими подробностями, будто сам в каждой участвовал. А это как раз вызывало сомнения.

– Тебе бы басни писать, – мрачно проговорил Кирилл.

– Ты чего грустный? – беззлобно удивился Бабай.

– Правда, чего? – присоединился Хрящ. – Как мухоморов объелся.

– Дело есть, – сказал Кирилл, сохраняя угрюмо-сосредоточенное лицо. Все притихли – Кирилл, когда надо, умел сказать твердо и солидно. Наступила пауза, в которой он успел запалить сигарету.

– Чего за дело? – осторожно спросил Хрящ, подавшись вперед. – А?

– Надо... в общем... Короче, надо денег собрать. Немного. Для Машки Дерезуевой. Она без родителей осталась и... и вообще.

На этот раз речь у Кирилла получилась скомканная, совсем не такая, как он планировал. Жалобное бление вместо пламенной речи. Наверно, от неуверенности в успехе.

Все сразу поскучнели, завздохали и принялись разглядывать жучков, ползающих в траве. Только Бабай не растерялся.

– Это – да, – одобрительно сказал он. – Это, пацаны, вы оформить должны, между делом. Конечно! Девке-то помочь надо, надо... Она ж, между делом, вам подруга и все такое. Вы ее не бросайте.

После такого виртуозного самоотвода вопросов к Бабаю больше не было. Кирилл мрачно посмотрел на остальных.

– Чего решим?

– Да ну... – пробормотал Хрящ, решив, что вопрос к нему. – Откуда у меня-то...

Это было правдой. Денег у Хряща сроду не водилось.

– Хм... – с горькой иронией выдавил Гена и демонстративно вывернул карманы. На траву упала только крышечка от пива.

Примерно ту же картину изобразили и пацаны с Кислухи. Если с утра у них и имелся какой-то ресурс, то ныне он весь просочился через стенки желудка в кровь в виде этилового спирта.

Все сказанное и показанное было правдой. Ребята не врали. Деньги в Зарыбинске были большой редкостью. Бывало, у кого-то они появлялись – случайно, мимолетно, непонятно откуда, как НЛО – и тут же поспешно пропивались. Чтобы не исчезли так же непостижимо.

Кирилл понял: он может сидеть тут целый день и у всех проходящих спрашивать денег. Ответы будут весьма стереотипными.

– А вот была, между делом, такая фигня, – заговорил Бабай, прерывая смущенное молчание, – чувак один спер в бане кошелек, а там одни доллары. А по тогдашним временам...

Кирилл уже не слушал его. Он закурил с горя еще одну сигарету и начал скорбно размышлять, как ему теперь выпутываться. Где брать деньги? Убедить всю Гимназию собирать бутылки? Нереально. Да и не потянутся им со старыми зарыбинскими алкашами, которые встают затемно, чтобы обойти с сеткой все урожайные места.

Украсть? Кириллу казалось, что сейчас он готов и на такое. Лишь бы избежать позора. Но где украсть? В Зарыбинске все уже давно разворовано, разве что асфальт пока лежит.

Но ведь должен быть выход! Он вдруг подумал: «А откуда возьмет денег Промзавод?» Где вообще «болты» берут деньги? Какие-то крохи они могут нацыганить у пивнухи. У мужиков остается сдача от пива, они и отдают малолетним попрошайкам. Но это же мелочь, смех один.

Можно допустить, что кое-какие деньжата они сшибают на перепродаже краденых мотоциклов. Но только иногда. Не побегут же они сейчас воровать мотоциклы по всему городу...

Что еще? Чем кормится Промзавод? Бывает, кому-то повезет устроиться к шабашникам на коттеджи. Кирпичи таскать, раствор мешать.

Нет, несерьезно.

Из кустов вынырнул Пакля, отсвечивая на солнце соломенной головой.

- Привет, пипл! - бодро выкрикнул он.

- Как ты нас назвал? - насторожился Хрящ, и его глаза засверкали, будто у зверька.

- Пипл, говорю. По-английски значит - пацаны.

- Наблатыкался... - пробурчал Хрящ. - Тут бы с немецким разойтись, а он - по-английски...

- Че делаете-то? - бодро спросил Пакля, шаря вокруг глазами. - Дрочим, - сказал пацан с Кислухи. - Присоединяйся.

- Слыхали? На Промзаводе деньги собирают для Машки. Вы-то будете?

- И много собрали? - спросил на всякий случай Кирилл.

- Не знаю. Собирают.

- Ясно вам? - Кирилл обвел приятелей презрительным взглядом. - «Болты», позорники - и те деньги собирают. А вы, блин, как... - он горестно махнул рукой и замолчал.

- Ага. Собирают, - подтвердил Пакля. Он уловил намек на союзничество и подошел к Кириллу за окурком, как цирковая лошадка подходит за

заработанным сахаром. – Дай дотяну.

– Отвали, – поморщился Кирилл, отворачиваясь. – Себя потяни, сам знаешь, за что.

– А чего-то ее не видно, Машки, – ничуть не обидевшись, проговорил Пакля. – Где она есть-то?

Все согласились, что Машка последние дни никому не встречалась. Конечно, никто и не думал, что после гибели родителей она будет прогуливаться по кино и танцам, но все же странно.

– Еще чего расскажешь? – деловито спросил Бабай.

– Да чего говорить? – Пакля пожал плечами. – А, вот! Слыхали? У Самохи-пожарника машина пропала.

– В каком смысле пропала? – подал голос Хрящ. – Она не пропала, ее исламцы сожгли.

– Ну да, сожгли, – кивнул Пакля. – А потом она пропала. Горелая трава есть, а машины – нету. Тю-тю. Самоху сейчас дрючат – куда машину дел, говорят.

– От-тана попала, – удивился Хрящ. – Кому она на хрен понадобилась, горелая?

– Хм, – согласился Гена.

– Не знаю кому. А Самоху теперь, может, судить будут. А может, и не будут.

– Туда ему и дорога, – сказал один из кислухинских. – Он меня в том году грязью из-под колеса обрызгал.

Пакля побыл еще немного, воспроизвел пару-тройку мелких сплетен и помчался дальше – исполнять нелегкий долг почтальона-общественника.

Кирилл вдруг подумал: «А если бы Пакля прибежал сюда на час раньше? Сказал бы про сбор денег. А потом – доложил Дрыну, что на Гимназии никто ничего даже не знает».

Его даже холодок прошиб от такой мысли. Хорошо, что сегодня обошлось. Но обойдется ли через три дня на памятнике?

* * *

Ранним утром возле центрального гастронома наблюдалось необычное скопление граждан. Они толклись у входа, сидели на заборчике, подпирали стены соседних домов. То там, то здесь мелькала шинель Адмирала Пеночкина – он быстро переходил от группы к группе и с решительным лицом отдавал немые указания.

Оказалось, ночью гастроном ограбили. Первыми эту новость узнали старушки-домохозяйки, пришедшие с утра со своими большими сумками и крошечными кошельками. Они наткнулись на табличку «Учет», милицейскую машину и зареванную заведующую.

С традиционным зарыбинским недоумением зеваки обсуждали, кто мог решиться на столь кощунственный шаг. Воровали в городе, конечно, много – некоторые только этим и жили. Но одно дело – мешок картошки на прокорм из совхозного бурта, и другое – общеизвестное и всеми посещаемое торговое заведение, расположенное на самом виду.

Сотворить такую дерзость, по мнению зарыбинцев, могли только какие-нибудь лихие заезжие молодцы. Но заехать в Зарыбинск только ради нищего гастронома – верх странности.

Торговля в городке была такая же вялая, как вся прочая жизнь. Основными точками – гастроном, универмаг, хозмаг и другие – по-прежнему командовало бывшее райпо, преобразованное во что-то акционерное, но не ставшее от этого богаче и респектабельнее. Торгующие частники приживались в Зарыбинске как-то тяжело. Два ларька и один павильон держал давно обрусевший армянин Баданян, который жутко всего боялся. Еще несколько палаток и магазинчиков пооткрывали другие люди, в основном бывшие милиционеры, которые не

боялись ничего.

Баданян снабжал городок самой дешевой, хотя и самой отвратительной водкой. Этим он и снискал популярность, а также получил прозвище Бодунян. В Зарыбинске уже имелся фразеологизм «пойти к Бодуняну». Это значило – раздобыть денег и надраться.

Армянин частенько жаловался знакомым, как он страдает под гнетом рэкета. И действительно, порой к нему приезжали великовозрастные лоботрясы со станции Валуи-Узловая. Ими командовал немногословный и решительный Жека-Терминатор. Они прикатывали на мотоциклах или тракторах – вечно пьяные, злые, небритые, – забирали у Баданяна пару бутылок и банку консервов, после чего убирались восвояси.

Баданян нес этот свой крест не столько покорно, сколько трепетно. Он воспринимал набеги валуевской шпаны, как акты жертвоприношения, без которых на его бизнес не снизойдет милость богов – покровителей торговли.

Сегодня он робко выглядывал из дверей своего павильончика и ласкал под сердцем мыслишку: его заведение не разбомбили лишь потому, что он регулярно приносит жертву Терминатору и его ухарям.

Между тем в дверях ограбленного магазина появился майор Дутов – как всегда, сердитый и задерганный. Он прошмыгнул в «УАЗ», поговорил там по рации с отделом и намеревался вернуться в гастроном. Но его перехватила группа старушек с пустыми сумками.

– Скоро магазин откроют?

– Чиво украли-то? Муку-то давать будут?

– Раньше надо было приезжать, когда жулики еще не убежали...

Дутов покрылся красными пятнами.

– Да подождите вы! – рявкнул он, всплеснув руками. И шагнул в гастроном так решительно, что старушечьи массы колыхнулись в стороны.

Публика, оставшись без информации, принялась обсуждать – много ли шансов поймать воров с помощью милицейской собаки, которая обнюхивала сейчас задний двор.

В магазине Дутов опять подступился к заведующей – широкой и громогласной женщине, лицо которой покрывала хищная косметическая раскраска. Сейчас, правда, заведующая была слегка поблекшей и словно бы сократившейся в размерах. Она напоминала подтаявшую снежную бабу.

– Давай-ка, Петровна, с начала, – сухо сказал Дутов. – Я тебя не очень понимаю.

– А я?! – жалобно воскликнула Петровна, размазывая тушь со слезами. – Я – понимаю? Пожалуйста, Сан Палыч, гляди сам. Четырнадцать банок топленого масла здесь стояло – нету! Банки большие – по шесть килограммов, их плохо брали. А жулики взяли!

– Так. Понял. Дальше что?

– Пожалуйста. Сгущенки ящик стоял. Нету. Почти полный был ящик... И еще, девочки только что заметили, мешки целлофановые лежали, запакованные, для фасовки. Восемь упаковок по пятьсот штук. Нету!

Подскочила одна из продавщиц:

– Надежда Петровна, конфеты считать?

– Подождите вы! – процедил Дутов и повернулся, отрезая телом продавщицу от разговора. – Дальше что? Говори, Петровна, потом просморкаешься.

– Ну что? Фарш мясной, замороженный, пять коробок. Немножко почти просроченный. Все равно взяли. Ветчину и колбасу не тронули, а фарш взяли!

– М-да, – пробормотал Дутов, яростно кромсая ручкой блокнот. – И пельмени не взяли...

– Ну, про пельмени ты и сам знаешь, чего говорить...

Пельмени огромной грудой лежали на полу – вместе с котлетами, фрикадельками, куриными палочками. Все это было вывалено из морозильника, который из магазина исчез. Воры украли морозильник, оставив на погибель целую грудку еды.

– М-да, – снова сказал Дутов, и тут его взгляд упал на полки со спиртным. – А водка? Водки сколько взяли?

Заведующая затрясла головой.

– Нисколько! Не взяли! Ни единой бутылки. Девочки уже посчитали – все цело.

– Черт знает что такое!.. – в сердцах проговорил майор. – Ну как было водку не взять? Ничего не понимаю....

– Надежда Петровна, рома нет, – сообщила проходящая мимо продавщица.

– Что? – насторожился Дутов. – Какой Рома? Почему нет? На работу кто-то не вышел? Фамилия, где живет?

– Да не Рома, – махнула рукой Петровна и промакнула глаза рукавом. – Ром. Кубинский ром у нас был. Давно стоял – горький, вонючий, дорогуший. Никто не брал. Правда, крепкий, шестьдесят градусов. Но все равно, не брали.

– Да, да, помню, – вздохнул Дутов. – Ну куда это годится? Водку не тронули, а какой-то денатурат...

– Вот и я говорю, – уныло закивала заведующая.

– Ладно, Петровна, считайте тут дальше, ищите, чего пропало, чего осталось... Пойду к ребятам, погляжу, что там.

И Дутов направился в подсобку, на ходу размышляя, что за странные прихоти у современного преступного мира. Ветчина им, значит, не по душе, а тухлый фарш – забрали. Деньги из кассы не тронули, а топленным маслом нагрузились.

– Ничего нет! – с ходу предупредил его угрюмый эксперт, который сейчас осматривал с линзой пролом в стене и выявлял отпавшие с одежды волокна. – Пальцев нет, окурков нет, плевков даже нет.

– Следы от ботинок?

– Следы есть. Но какие-то так себе.

– Ясно, ясно, ясно... – пробормотал Дутов, обводя взглядом помещение. – А сигнализация?

– Нормально, – сказал эксперт. – Ребята посмотрели, говорят – порядок. Не сработала – и все.

– Не сработала, и все... – Дутов сделал шаг вперед, осматривая пролом. – Так, я что-то не понял, – проговорил он через минуту. – Вот пролом – а вот дверь, верно?

– Так точно, – вздохнул эксперт. – Служебный вход.

– И зачем надо было стену ломать? Эта дверь – она что, очень крепкая?

– Вообще-то, соплей выбить можно эту дверь. Если хорошо прицелиться.

– Ну? И зачем тогда ломать стену?

– Неизвестно. Возможно, ненормальные.

– И чем они ее снесли? – продолжал недоумевать Дутов. – Это ж столетняя кладка! Ее только танком прошибешь.

– Ну, может, у них танк и был.

Дутов вдруг резко вскинул голову и сдвинул брови.

– Давай-ка, занимайся своим делом... остряк.

Подошел оперативник, который только что опрашивал народ в соседних домах. Ничего не сказал, только развел руками. Все ясно: никто не видел и не слышал. Под их носом столетние стены ломают – они не слышат. Если б весь гастронорм унесли, начиная от фундамента, тоже бы сказали, что не слышали, что спали крепко.

– Вот что... – сказал Дутов оперу. – Давайте, значит, как обычно. К цыганам сходить надо, поглядеть... И на Узловую чтоб ребята съездили. Может, там что... Так, значит. И судимых проверить – прямо сегодня.

Опер кивнул и скрылся с глаз долой. Однако сердцем Дутов чувствовал, что, действуя «как обычно», эту необычную кражу не раскроешь. И банки с топленным маслом вряд ли обнаружатся у цыган.

До вечера магазин был закрыт на переучет и лишь на следующий день открылся к облегчению зарыбинских домохозяек.

* * *

Железный контейнер лег на огороде Дениса Романовича довольно уродливым ржавым пятном. Молодая березовая поросль не могла скрыть от соседей его вызывающе-рыжий цвет, и хозяин слегка побаивался расспросов.

Мало ли, что этот бронированный сарай достался «от природы»... А если вдруг истинные хозяева объявятся? А если окажется, что по недосмотру выбросили? Доказывай потом...

С утра Денис Романович хлопотал вокруг контейнера. Он осматривал его с разных боков и прикидывал, где бы добыть «от природы» зеленой краски, чтобы эта ржавая штука половчее вписалась в огородный ландшафт.

Стоял рабочий день, людей на соседских огородах почти не было. Лишь где-то вдали выделялись цветастые одежды стариков и старух, проливавших пот на своих карликовых земельных владениях.

Денис Романович то и дело ревниво озирался. Его нервировал и шум проезжающего трактора, и прилетавший издали безымянный голос, и даже слишком громкий крик грача. Счастье обретения огромного ржавого ящика было велико, но не меньше был и страх потерять великолепный дар «от природы».

Он то приближался к контейнеру, то отходил, обозревая общий план, то подкладывал булыжник под нависший угол, то вдруг начинал сердиться на себя, что не заставил крановщика поставить эту махину плотнее к границе участка.

Это продолжалось, пока Дениса Романовича не насторожил какой-то нехарактерный звук. Он был сложным, этот звук: то шелест, словно в холодильнике струился газ, то сдавленный прерывистый писк, то размеренный стук, похожий на удары тяжелого железного сердца.

Дениса Романовича разобрало нехорошее беспокойство. Он, пожалуй, и раньше расслышал бы странные звуки, но утро выдалось ветреное, и все тонуло в шорохе растений. Вдруг на минуту стало тихо, и он услышал.

Не было сомнений, что звуки рождались в контейнере. Приложив ухо к ржавой стене, Денис Романович теперь уже отчетливо понял: под, казалось бы, мертвой оболочкой что-то жило, что-то вздрагивало и пошевеливалось. Контейнер напоминал внезапно ожившие старинные часы.

Денис Романович отдалился от контейнера и с минуту стоял неподвижно, лишь шевелил губами и часто-часто моргал. Что еще за напасть кроется в этом заброшенном железном гробу?

Наконец исследовательский инстинкт, свойственный любому высокоорганизованному существу, взял свое. Денис Романович вытащил несколько газет, которыми устилал дно сумки, свернул из них факел и влез в прохладное нутро контейнера.

Собственно, еще вчера ему стоило понять, что снаружи этот саркофаг несколько длиннее, чем внутри. Стало быть, за стеной должен укрываться какой-то секрет вроде встроенного шкафа. И ничего плохого, если этот секрет раскрыть, развинтить, раскурочить, а обнаруженные детали пустить на нужды домашнего и огородного хозяйства.

Неторопливо и осторожно Денис Романович пробрался к дальней торцевой стенке. Пристально осмотрел при свете факела все ее линии, выступы и углубления. Так и есть, прорисовывается нечто вроде люка. И даже зацеп для руки имеется.

В этот момент факел прогорел, и Денис Романович поспешно, обжигаясь от нетерпения, запалил новую газету. Прислушался. Беспокойные звуки по-прежнему исходили от железных стен. В этот раз ему даже показалось, что чуть подрагивает пол.

Денис Романович вытер руку о штанину и осторожно взялся за прорезь в крае люка. Потянул – ничего. «Ну конечно, – со вздохом подумал он. – Тут без молотка с зубилом и делать нечего».

Но все-таки он потянул еще раз – теперь уже в сторону и одновременно на себя. Люк чавкнул и... открылся. Он буквально сам скользнул в сторону, словно на пружинке. Но то, что Денис Романович увидел внутри, повергло его в такой ужас, что он всхлипнул и оцепенел.

Ослабевшие руки не удержали подпружиненный люк, и тот с сочным звуком закрылся. Но какая-то тяжелая круглая штука успела выкатиться изнутри и даже ударила Дениса Романовича по ноге.

Он не обратил на это внимания. Его ноги подкосились, он плюхнулся на колени без сил. Горящая газета упала и погасла. Оглушенный ужасом пенсионер все еще видел перед собой эту картину...

Внутри сидел мертвец. Сразу было видно, что это мертвец. Его лицо и руки залили потеки крови. Эти красные загустевшие капли были и на потолке, и на стенах. Но почему-то все здесь покрывал какой-то белый налет. Он был и на кровавых кляксах, и на лице покойника, и на одежде.

Денис Романович вдруг подумал, что это иней. В самом деле, из открытого люка на него дохнуло холодом, как из морозильной камеры. Зрелище казалось еще ужаснее в свете колеблющегося пламени, хотя пенсионер и созерцал его всего мгновение. В этой крошечной железной камерке сидел окровавленный замороженный мертвец!

Денис Романович вскочил и тут же снова осел, потому что ткнулся головой в низкий потолок. На второй попытке он был осторожнее, но и теперь ему не повезло. Та круглая штука застряла на его ноге, как капкан, и не давала идти.

Раздираемый паникой и страхом, Денис Романович на четвереньках пробежал по бугристому полу, выкатился наружу и затряс ногой, избавляясь от шараловушки.

Эта штука больше всего походила на мотоциклетный шлем – большой, внушительный, серебристый. Но Денису Романовичу было недосуг любоваться. Он изо всех своих сил врезал, не жалея ног, по проклятому кругляшу, запустив его далеко в бурьян на соседском участке.

Затем вскочил на велосипед и, плохо попадая на педали, помчался прочь, сам еще не зная куда. Лишь бы подальше от ужасного ржавого ящика.

Всю свою жизнь он стремился держаться подальше от опасностей, крови, преступников и несчастных случаев. В тихом захолустном городе ему это удавалось. Даже не попал в армию по болезни. Всегда был просто тружеником. И вдруг – на закате жизни – случается такой кошмар. Неудивительно, что Денис Романович впал в шок.

До вечера он не находил себе места. То цепенел, то начинал трястись, как в лихорадке. Любую цену он готов был отдать, лишь бы контейнер исчез с огорода. И желательно, из памяти. Но что ему было делать?

Снова найти автокран, сбросить контейнер далеко за городом, в речку? Во-первых, подозрительно. Во-вторых, его могут найти случайные люди. А крановщик с водителем знают, что он возился с этой штукой. Потянется ниточка...

Пусть бы контейнер на той проклятой свалке нашли другие, пусть бы они разбирались, оправдывались, выпутывались... Ну за что, за какие грехи эта история втянула почтенного и безобидного человека, каковым считал себя Денис Романович?

К вечеру после валерьянки он немного успокоился. Приступы страха и растерянности уже не хватали так цепко. И, как это иногда бывает, Дениса

Романовича вдруг потянуло на огород. Просто так: посмотреть, убедиться, что там все по-прежнему, что там не стоит уже толпа возмущенных и испуганных огородников...

Он осторожно, как вор, выбрался из дома. Он не был ни в чем виноват, но уже чувствовал себя среди людей как-то отстраненно. Поэтому случайная встреча со старухой-соседкой заставила его сердце затрепетать.

Оседлав велосипед, он направился в сторону огорода.

Действуя как опытный разведчик, он оставил велосипед в кустах у дороги, а сам чуть ли не ползком начал подбираться к участку. И вдруг он встал в полный рост, изумленно хлопая глазами.

Контейнера не было.

Денис Романович подумал, не ошибся ли он участком. Нет, не ошибся. Все было на месте. Даже примятая трава. Но контейнера не было.

– Вот так... – пробормотал пенсионер, покрываясь липким потом. – Вот так-то и лучше.

Радость избавления от проблемы была так велика, что на удивление и недоумение просто не осталось сил.

На радостях он поклялся было и близко не подходить к свалкам. Но потом от такой клятвы отказался. Не так просто менять привычки на седьмом десятке лет.

* * *

Непостоянство и неопределенность в жизни Пакли не мешали ему иметь одного постоянного товарища. Это был Пельмень – сосед по улице и, соответственно, вечный спутник по детскому саду, школе и вообще по жизни.

Пельмень был нетороплив и массивен, но при этом нерешителен, если не сказать трусоват. Его отличал пессимистический подход к жизни, от которой он всегда ждал подвоха.

Они частенько сидели с Паклей во дворе, Пакля, бывало, делился новостями и наблюдениями, Пельмень же хмурился, мял и крутил по привычке левое ухо и находил во всем какие-то знаки беды. После этого первый, как правило, улетал в город на поиски новой информации и пищи для разговоров, второй же возвращался домой и, хмурясь, переваривал эту пищу.

Дома у Пельменя был телевизор, куча старых журналов с кораблями и самолетами, да еще аквариум со скаляриями, которых он называл почему-то «селедками». Ничем другим Пельмень интересоваться не хотел.

Наступил тот редкий день, когда Пельмень согласился покинуть периметр своего двора и посетить остальной мир. Они с Паклей шли на речку, где собирались исполнить один традиционный обряд, знакомый обоим со времен босоногого детства.

– ...И, значит, Бес взял у бати фотоаппарат, – рассказывал по пути Пакля, – привинтил к нему такую прибуду в полметра – все равно, что подзорная труба. Я сам в такую смотрел – близко-близко видно. И вот, значит, дождался, пока Халабуда трусы снимет и заплывает, нащелкал кадров со всех сторон. А сам фотографии делать не умеет. Понес их, debil, заказывать в ателье. А там Дрюня хромой работает, знаешь Дрюню? Через день Бес приходит за фотками. Приходит, значит... Дрюня ему навстречу выхрамывает. И как даст в хайло! Бес вскочил, а он опять ему – как вломит! И фотки эти на его глазах – в клочки рвет...

– За что в хайло-то? – хмуро поинтересовался Пельмень.

– Ты слушай! Бес, debil, у умных людей-то не стал спрашивать. А они бы ему сказали, что Дрюня этой Халабуде – родной брат. Понял?

– Брат? – хмыкнул Пельмень и осуждающе покачал головой.

Халабудой в Зарыбинске звали старую гречанку, очень толстую, черноволосую и усатую. Мало кому было известно ее настоящее имя, однако каждый сопливый детсадовец был о ней наслышан.

Знаменитость Халабуды базировалась на том, что каждую среду, если была хорошая погода, она шла на речку в одно и то же место, раздевалась догола и мылась.

Об этой привычке знали все. Каждую среду кусты напротив любимого пляжа Халабуды трещали от набившихся в них мальчишек. Халабуда была поистине огромна. На нее смотрели не как на обнаженную женщину, а скорее как на редкий биологический вид.

Как правило, зрители досматривали спектакль до того места, где гречанка, смыв мыло и шампуни, выползала на берег, потрясая своими складками. В этот момент наступала кульминация веселья: все вылетали из кустов, свистели и упражнялись в остроумии:

- Эй, сыска отвалилась! Вон плывет в корягах!
- Всю тину поела, бегемотина! Гусям не оставила!
- Ой, не могу! Баба нырнула – две деревни смыло!
- И плотину снесло!

И еще молодежь любила скандировать:

- В нашей речке сдохли раки – Халабуда мыла сраку!

Гречанка при этом обычно прикрывалась большой мочалкой, грозила исполинским кулаком и раздражалась такой виртуозной русской бранью, что мальчишек аж зависть брала. Не одно поколение школьников познало с ее помощью самые тонкие нюансы инфернальной словесности.

Закончив выступление, Халабуда уходила в кусты и одевалась. И все равно в следующую среду приходила на то же самое место. К искреннему восторгу зарыбинских оболтусов.

Сегодня как раз была среда, и Пакля с Пельменем как раз шли на речку по хорошо известной обоим дорожке. Пакля на этот раз достал где-то старый театральный бинокль, что обещало сделать наблюдение в два раза интересней.

– Значит, брат, говоришь? – хмуро повторил Пельмень, по привычке накручивая на палец ухо. – Как бы нам от него не огрести...

– Ага! – оскалился Пакля. – Ему делать нечего, только нас по кустам караулить.

Почему-то сегодня зрительская ложа была почти пуста. Среди кустов торчали только двое совсем уж сопливых пацанят, да и те не из Зарыбинска, а из Правобережного поселка. Свирепо матерясь, они спорили, даст ли каратист по морде боксеру.

– Чего-то нету никого, – тревожно пробормотал Пельмень, тронув ухо. – Может, всех прогнали?

– Кто?!

– Ну, не знаю. Может, Халабуда мужиков попросила. Или Дрюня их попросил...

– Ага, конечно! Мужики, чтоб ты знал, сами сюда ходят прикалываться.

Пакля нашел в утоптаных кустах удобную позицию и бережно достал бинокль. Он был крошечный, как игрушка, помятый, но такая вещь в Зарыбинске считалась редкостью. И действительно, трудно найти театральные бинокли там, где нет театра.

Пельмень присел рядом на изогнутый ствол, древесина жалобно хрустнула под ним.

– У дядьки бинокль взял? – спросил он.

– Ага, – Пакля уже осматривал окрестности.

– А он где взял?

– А я знаю? Нашел в помойке, наверно.

Пельмень покачал головой и намотал ухо на палец. Он знал, что дядька Пакли – небезызвестный Денис Романович Паклаков – немалую часть жизни отдает помойным изысканиям.

– Везет людям, – вздохнул он. – Бинокли находят... Я вот ничего хорошего еще не находил.

– А ты искал? Ты только дома сидишь, «селедок» кормишь. Ладно, сейчас к нам такая «селедка» приплывет, что... – он замолк и принялся крутить окуляры.

Мысль о голой Халабуде, которая вот-вот должна была выплыть из камышей, вдруг задела в душе Пельменя какие-то потаенные струнки. Он потрогал ухо. Ухо было на месте.

– Слушай, Пакля, а у тебя баб много было? – спросил он.

– Много! – очень поспешно и заносчиво ответил тот. Потом добавил уже спокойнее: – Хватало. А у тебя?

– У меня... – буркнул Пельмень и помял ухо. – Да не совсем много. Маловато.

Пакля тихо хмыкнул. Он понял истинную цену этого «маловато».

– Ну а вот сеструха к тебе ходит, – сказал он. – Ты ее не забодал еще?

– Да ты что! – в ужасе проговорил Пельмень. – Она ж – сеструха!

– Ну и? У сеструх, что ли, копилка не с того места? Тем более двоюродная...

– Не, не... – Пельмень даже замахал руками.

– Дело твое. А хочешь, с Веркой-Отличницей сведу?

– А как? – заинтересовался Пельмень.

– Ну как... Так. Позову ее куда-нибудь... на речку вот можно. Ты уже на месте будешь. Потом я уйду...

– Ну-ну! А дальше?

– А что дальше? Если уже поддатая будет – хорошо. Если трезвая – стакан «сэма» не найдешь, что ли?

– А делать-то что? Про что говорить?

– Про что хочешь. Я, помню, ей рассказывал, как мы в Дятлове дрожжи в туалеты побросали. Помнишь, огороды затопило?

Пельмень, яростно накручивая ухо, задумался. Вызвал из памяти облик Верки-Отличницы – вечно пьяной, краснолицей, в прожженном сигаретами платье и расшлепанных кроссовках. Он представил, как сидят они на речке и он рассказывает ей про туалеты...

Пельменя вдруг передернуло.

– Нет, – произнес он с содроганием. – Не надо Верку.

– Смотри сам... А то можно и с сеструхой твоей на речке посидеть...

Пакля вдруг выпрямил спину, потом быстро встал и так энергично закрутил колесиком резкости, что бинокль жалобно скрипнул.

– Пельмень, – сказал он напряженным, каким-то даже звенящим голосом. – Пельмень!

– Чего ты? – перепугался приятель.

– Пельмень... ты когда-нибудь видел, чтобы корова на задних лапах ходила?

– Конечно! Нет, обожди... Как – корова? – Пельмень напряженно размял ухо. – На двух ногах? Ты чего, с дуба рухнул?

- Сам ты... Гляди туда.

Пельмень вытянулся, приложив ладонь к глазам. За поворотом реки поднимался луг, на краю которого темнел гребень хвойного леса. Действительно, на дальнем конце луга виднелось что-то, напоминавшее пасущуюся корову.

- Ну... вроде, да, корова, - пробормотал Пельмень. - И что?

- На задних ногах ходит, ты понял? - закричал Пакля. - Вот, вот опять, смотри!

- Да я ничего не вижу! Дай скорей линзы! - занервничал Пельмень.

- Обожди... - Пакля все наводил резкость, но никак не получалось. - Вот, вот опять!

- Ну дай мне! Дай мне! - Пельмень уже извелся от нетерпения.

- Ну на... Гляди.

Пельмень нетерпеливо прижал к глазам окуляры. Ему, однако, показалось, что без бинокля было видно лучше - линзы оказались старыми, темными и помутневшими. Но через несколько секунд он к ним привык. Действительно, он увидел крошечную фигурку коровы. Она тыкалась мордой в траву и ничего противоестественного не вытворяла.

Вот она ухватила что-то зубами, остановилась, проглатывая. Сделала шаг, другой. Перешла к молодому одиноко стоящему деревцу.

И тут Пельмень испустил изумленный вздох.

Корова поднялась на задние ноги, упершись передними в ствол, и принялась объедать с дерева листву.

- О-ох, - жалобно простонал Пельмень.

- Видел, да? - обрадовался Пакля. - Давай, теперь я посмотрю.

- Ага, сейчас...

Корова в том же положении – на задних ногах – пошла к другому дереву. Но по пути все же приняла естественное положение.

Пельмень обменялся с Паклей растерянным взглядом, возвращая ему бинокль.

- Может, дрессированная? – Он сосредоточенно скручивал ухо.

- Если б дрессированная, тогда бы на велосипеде ехала и шарики подкидывала.

- Ты видел – у нее что-то блеснуло на боку? Вроде зеркальца...

- Корова с зеркальцем – это круто, – нервно расхохотался Пакля. – Это как свинья с подфарниками. Дурень ты жирный, вот ты кто. Пойдем-ка добежим, поглядим поближе.

- А Халабуда?

- Что Халабуда? Дома перед зеркалом разденься – ты такой же. Пойдем туда, говорю!

- Да я вообще-то... – Пельмень терзал ухо, которое просто чудом еще не оторвалось. – Я просто боюсь, что опасно...

- Чего?! Кто опасно? Корова – опасно? Вот дурень, а! Это тебе что – мамонт? Или носорог?

- Ну... все-таки... – ухо покраснело, но еще держалось.

- Все, блин, погнали! Я из тебя сегодня укротителя коров сделаю. Дрессированных, с зеркалом заднего вида.

Они шли долго, а корова все так же паслась на лугу, объедая зелень. Вскоре уже и без бинокля стало видно, что иногда она встает на дыбы и таким образом прогуливается, срывая листья с небольших деревьев.

Наконец приятели пробежали, пригнувшись, по овражку и залегли в траве недалеко от животного.

– Что я говорил? – раздался дрожащий голос Пельменя. – Точно говорил, блестит у нее какая-то штука.

– М-да... там даже не одна штука блестит, – признал Пакля.

Рассмотрев корову самым пристальным образом, приятели убедились, что все ее тело пересекают черные ремни, а на них держатся блестящие коробочки – круглые и овальные. А вообще это была самая обычная корова, только что прямоходящая.

– Ничего не понимаю, – сокрушенно вздохнул Пельмень. – Ее бубенчиками обвешали, что ли? Почему тогда не звенят?

И тут, похоже, корова их заметила. Или услышала. Она в очередной раз поднялась на дыбы и замерла, глядя в их сторону. В этом неподвижном пристальном взгляде было что-то такое, от чего у приятелей мурашки побежали по коже.

– Дуем! – сдавленно крикнул Пакля и первым припустился по овражку. Пельмень скакал за ним, отставая и переваливаясь на кочках. Он дышал громко, в голос, будто стонал. Впрочем, корова их не преследовала, лишь неотрывно смотрела вслед убегающим.

Уже во дворе Пакля притянул приятеля за шиворот и зловеще проговорил:

– Никому ни слова! Понял? Никому! Ни слова!

* * *

Кирилл и не подозревал, что три дня – настолько мимолетный срок. Хотя время вообще штука непостоянная. Когда ждал, бывало, три дня до начала каникул – это была вечность. Но сейчас речь шла не о каникулах, и время съежилось в краткий промежуток, которого хватило лишь на несколько судорожных

движений.

Движения оказались бесполезными, и никакого чуда, конечно, не произошло. Назавтра намечалась встреча под памятником. Завтра придет волосатый Дрын, придут и его мазутники. Дрын выкатит зубы и скажет: «Ну?» И вся его свора тоже скажет «Ну?» и при этом будет глядеть нагло и требовательно.

А Кирилл будет один. И без денег. Ему останется только почесываться и бормотать глупые оправдания.

Заболеть, что ли, спрятаться в больнице? Ногу, например, себе сломать? Или потребовать у военкома, чтоб срочно отправил в армию...

Наступало время расплаты за неосторожно сказанные слова. Как говорится, время разбрасывать камни – и время уворачиваться от камней.

Накануне вечером Кирилл сидел дома один. Часовая стрелка тихо, но безжалостно отнимала у него час за часом. Приближался миг, когда спокойный и уравновешенный мир для Кирилла рухнет. Скоро спать. Ночь пролетит незаметно. И, проснувшись, Кирилл окажется лицом к лицу с первым в жизни настоящим позором.

Не считая еще шансов прилично получить от Промзавода по шее, да не один раз. Впрочем, этого он меньше всего боялся – не привыкать. Но позор – позор всей Гимназии перед Промзаводом, причем по его вине – к этому не очень-то привыкнешь.

Все же у него оставался еще шанс. Правда, такой шанс, о котором Кирилл и думать боялся. Но на улице воцарялся вечер, стрелки на часах уже сложились в кривую беспощадную усмешку. Пришел момент, когда Кирилл понял: кроме этого последнего ужасного варианта, у него нет ничего. Ровным счетом ничего.

Он поставил у шкафа табуретку и открыл дверцу антресоли. Просунул руку под мешанину старых брюк, драных полотенец, отрезков ушедшей из моды материи и нащупал жестяную коробочку. В ней лежали деньги. Несколько солидных, чуть потертых бумажек.

Эти деньги мать с трудом собрала и отложила отцу на день рождения. В коробке было все – и на подарок, и на стол. Отцу исполнялось ровно сорок. И до юбилея оставалось полтора месяца.

Казалось бы, немалый срок. Но Кирилл уже знал, как быстро умеет убегать время. За полтора месяца ему придется как-то вернуть деньги на место. Как? День будет уходить за днем. Ничего не будет меняться в жизни. Разве что в один из этих дней может прийти повестка из военкомата...

Кирилл взял бумажки, пересчитал. Пожалуй, здесь многовато. Он разделил стопочку на две части. Меньшую вернул в коробку, остальное сунул в карман джинсов. Он чувствовал себя самым подлым вором всех времен.

...Наступление утра он встретил на удивление спокойно. Главное – он знал, что день не будет таким страшным, как он опасался. А уж какой ценой – никого не касается.

Правда, за завтраком Кирилл был очень напряженным. Он каждую секунду боялся, что мать полезет в антресоль, пересчитает оставшееся – и наступит катастрофа.

Хорошо, за столом не было отца, который очень рано уходил на работу. Если бы Кирилл видел его сейчас перед собой, он бы ненавидел себя в два, в три раза больше.

Однако Зарыбинск о терзаниях Кирилла ничего пока не знал. Городок пребывал в том же сонном, слегка недоуменном состоянии, как и много дней перед этим. И даже Ильич на постаменте выглядел озадаченным: а чего ради я тут торчу на жаре?..

Кирилл пришел первым. Он сел на скамейку, закурил, бросая по сторонам настороженные взгляды. Мир виделся ему как враждебная среда.

Уже скоро в проулке между столовой и кинотеатром показались те, кого он ждал. Дрын вышагивал впереди всех, и даже от памятника просматривались белые буфера его зубов. Рыжие лохмы болтал ветерок. Рядом шел его близкий друг Поршень – личность, по мнению Кирилла, предельно отталкивающая. Плотненький, собранный в клубок, вращающий маленькими темными глазками,

он двигался чуть позади Дрына, как советник короля.

- Ты один? – удивился Дрын, заметив одиноко сидящего Кирилла.

- А сколько надо? – без всякого дружелюбия ответил Кирилл.

Промзаводские переглянулись. Это и в самом деле было странным: для столь важного дела Гимназия прислала всего-то одного человека. А остальным как будто неинтересно. Ведь предстояла по сути большая акция милосердия. И всякий, кто вложил хоть копейку, имел право присутствовать и контролировать.

- Ну? – сказал наконец Дрын. – Принес?

- Принес. А ты? – остальных Кирилл решил не замечать. Разговор один на один выглядит солиднее.

Дрын мотнул головой Поршню. Тот залез глубоко в карман и вытянул целлофановый пакет, в котором шуршали ассигнации и гремела мелочь.

Кирилл в ответ показал свой капитал. Несколько крупных одинаковых бумажек смотрелись, конечно, серьезнее, чем мешок с мелочью. Мазутники тихо загудели. Кто-то пробормотал:

- Это он, наверно, гастроном окучил...

Дрын и Поршень переглянулись в некотором замешательстве. Понять расклад было нелегко: гимназист в одиночку приходит с кучей денег, ни капли не боясь вражеского племени, даже малость хамит...

Кирилл, в свою очередь, пожалел, что показал сразу все свои деньги. Промзавод собрал меньше. Но теперь-то поздно дергаться...

Поршень за рукав оттянул Дрына на пару шагов назад и что-то прошептал. Дрын сердито посмотрел и ответил:

- Дурак, что ли?

– Ну, шептаться будем или дело решать? – с нетерпением проговорил Кирилл, которому не очень-то приятно было сидеть и ежиться под взглядами мазутников. – Кидаем монету – и разбегаемся. Некогда мне тут...

Появилась монета. Подбрасывать доверили Бивню – самому крошечному, хотя и не самому младшему из промзаводских. Бивню было шестнадцать, хотя выглядел он на три-четыре года моложе. Впрочем, свой мелкий вид парень сумел компенсировать другими заслугами: он выкуривал две пачки «Примы» в день, виртуозно матерился и очень жестоко дрался. И наконец, он целый год провел в ВТК за угоны велосипедов, кражи денег у школьных учителей и ограбления младшекласников.

– Ну, допустим, я орел, – сказал Кирилл, когда возникла очередная пауза.

– Баклан ты, а не орел, – хмыкнул Поршень.

– Ладно, пусть, – махнул рукой Дрын, которому не пристало так мелочиться.

Металлический кружок взлетел в воздух. Кирилл успел подумать, что сейчас ему, возможно, придется отдать этим ухарям деньги. И не свои, а те, на которые должен состояться отцовский день рождения. И деньги просто унесут. Раз – и нету...

Монетка упала, жалобно звякнув. Дрын подчеркнуто медленно подошел, заложив руки за спину. Весь его вид говорил: плевать мне, кто деньги понесет. Остальные же, напротив, бросились вперед и сгрудились за спиной жожака. Кирилл не пошевелился, хотя звон монетки едва не заставил его поспешно вскочить.

Дрын хмыкнул, показав белому свету свои зубы во всей красе.

– Как договорились, так и будет, – сказал он. – Ты баблы Машке понесешь. Можешь от нас привет передать.

Промзаводцы с раздосадованным гудением распрямились. Бивень подобрал монету и несколько раз подбросил, словно надеялся переиграть. Кирилл почувствовал, как теплая волна разошлась от сердца по груди. Деньги остались

у него. Пусть ненадолго, но все же...

- Отдай ему, - скомандовал Дрын Поршню.

Тот хотел было отдать деньги, но потом протянул руку Бивню:

- Монетку-то положи обратно.

- Да я только поглядеть хотел... - смутился Бивень.

- Давай, давай...

- Да не, просто монета редкая. Герб криво пропечатан...

- Редкая или частая, а мы копейки не зажимаем, - сказал Дрын - громко, чтобы Кирилл услышал.

Монетка упала в пакет, а пакет - на скамейку рядом с Кириллом. Тот почувствовал, что от него ждут какого-то ответного хода. В голову пришло только одно: он вытащил свои купюры и бросил в пакет, перемешав с деньгами Промзавода.

- Глади не пропей, Гимназия... - снисходительно проговорил Поршень, быстро вращая глазами. Почему-то его взгляд то и дело возвращался к деньгам. Слово магнитом притягивало.

Кирилл не удостоил его ответом. Отбросил окурок, поднялся, бережно сунул пакет в карман. Хотелось пуститься бегом и исчезнуть из этого места, от этой компании. Но он пошел медленно.

Машка Дерезуева жила в большом деревянном доме над самой рекой. Он был виден из многих точек города, и его знали почти все.

Подходя к дому, Кирилл вдруг начал испытывать неловкое чувство. Он представил, как входит в это тронутое бедой жилище, где завешаны зеркала, как встречает на себе взгляды заплаканных глаз. А он, как назло, в пыльных джинсах и несерьезной зеленой майке с надписью «Не стой за спиной». И вдруг

вся акция с передачей денег показалась ему несусветной нелепостью, которая вызовет только нездоровое удивление.

Дверь открыла незнакомая пожилая женщина в черном платке. Судя по хозяйскому взгляду, какая-нибудь близкая родственница из деревни или соседнего района. Видимо, взяла девчонку под крыло, когда та осталась без родителей.

- Ну чего? - последовал вопрос, в котором было меньше приветливости, чем в шипении змеи.

- А Маша дома? - нерешительно спросил Кирилл, нервно поглаживая карман, где лежали деньги.

- Нет ее, - буркнула женщина.

- А где она? - удивился и растерялся Кирилл.

- Не знаю. Сама ищу.

Кирилл молчал, но не уходил. Он никак не мог решить, что делать. Ему и в голову не приходило, что все может так обернуться: он придет с деньгами, а Машки нет. Неужели отдавать этой тетке?

- Постыдился бы, - сказала вдруг она. - У людей такое горе, а уже лезете жениховаться. То один, то другой... Глаза бесстыжие.

«Да я!..» - хотел было воскликнуть Кирилл, но сдержался. Бесполезно говорить. Эта тетка - она не из тех, кто верит молодым ребятам в пыльных джинсах. Отдать ей деньги - спрячет в чулок и все равно будет ворчать и думать по-своему.

Дверь со стуком закрылась. Кирилл остался один на пустой улице. Подошла курица, пристально оглядела его кроссовки и, не найдя их достойными внимания, удалилась.

Кирилл похлопал по карманам, нашел зажигалку. Он ловил себя на мысли, что дышать стало все-таки легче. Как-никак сбережения матери пока в кармане. Потом, конечно, придется отдать, но это потом, а в данный момент все как бы в порядке. Теоретически можно даже вернуть деньги в жестяную коробку.

А может, так и сделать? А Машке отдать только промзаводскую долю. Впрочем, эту подлую мысль Кирилл тут же с негодованием прогнал. Все равно «болты» найдут способ все проверить.

Он затянулся сигаретой и побрел прочь. Ему вдруг показалось, что в проулке мелькнули чьи-то вьетнамские джинсы, но он не придавал этому значения.

* * *

Пакля любил бывать у своего старого дядьки, хотя эти посещения были связаны с одним неприятным обстоятельством. Денис Романович всякий раз начинал ворчать и укорять племянника за то, что тот не работает и не учится, а только шляется и тянет у матери деньги на танцы и сигареты.

Но Пакля дядькины укоры терпел и все равно часто приходил в его дом. А все потому, что у Дениса Романовича имелся замечательный чердак. Высокий, просторный, с большим светлым окном и скрипучим креслом-качалкой. И главное, здесь были тысячи разных интересных вещей, взятых Денисом Романовичем «от природы».

Пакля мог часами копаться в этих залежах, ощущая себя открывателем вековых тайн. Самые разные диковинки попадались ему: коробка от немецкого противогаса, половинка портсигара с гравировкой «Поручику Брюхову от родных», хирургические щипцы из почерневшего железа, затрепанное удостоверение к медали «Мать-героиня», ржавый винтовочный затвор, темный штоф с остатками этикетки «Бобруйская винодельня им. Буревестника».

И еще была у Пакли одна нестерпимая страсть: он любил читать чужие письма, которые дядька с непонятной целью привозил порой из своих «экспедиций». На чердаке имелось несколько картонных коробок с письмами, открытками и пустыми конвертами. Возможно, здесь был бы рад покопаться какой-нибудь

филателист. Но Пакля не был филателистом.

Он обычно устраивался в качалке, закуривал и начинал подглядывать за прихотливыми изгибами чужих судеб. Он читал, близоруко щуря глаза и шевеля губами: «...Сало в этом году не будем солить – Борьку придавил самошвал». Или: «А в пидогогический институт мне паступать не советовали». Или так: «Меня тут каждый день бьют, но старшина говорит, что скоро перестанут».

Много захватывающих часов провел Пакля на чердаке у Дениса Романовича. Сегодня же он шел к нему с определенной целью: тихонько вернуть на место бинокль, позаимствованный для слежки за Халабудой.

Дядька встретил его во дворе, где снаряжал в дорогу мотоцикл. Он почему-то не завел вечную унылую песню о полезном образе жизни, сказав вместо этого следующее:

– Наконец-то от тебя польза будет. Поедем сейчас грузить удобрения. Возьми в сарае халат.

– Э... – простонал Пакля, но возражать не посмел. Ссориться с дядькой нельзя. Иначе он рисковал потерять доступ к чердаку с сокровищами.

Мотоцикл домчал обоих до базы «Сельхозхимия». Денис Романович имел договоренность со сторожем и разрешение отсыпать пару мешков желтых слежавшихся гранул, которые уже несколько лет томились во дворе под снегом и дождем.

Пока Пакля орудовал лопатой, сторож наставлял дядьку:

– Много не сыпь. Землю уморишь. Берешь жменю – и под кустик. Под каждый кустик одну жменю. И только по осени...

Пакля, хотя и не являлся математическим гением, но быстро прикинул: если «жменю под кустик», то двух мешков дядьке хватит до тех времен, когда люди будут жить на Марсе, а сажать и копать картошку научат роботов.

Денис Романович, конечно, возможности не упустил. Мешки пришлось набить так, что еле сошлись завязки. С надрывным стоном Пакля перевалил добычу в люльку мотоцикла. Однако дядька его усилия вряд ли заметил и оценил. Он спрашивал у сторожа, что за досочки лежат у сарая и нельзя ли их тоже как-нибудь того...

На обратной дороге он поделился с Паклей переживаниями:

- Вот думаю, как мешки на огороде прятать? Видимо, лучше будет закопать...

Пакля чуть не взвыл. Он догадался, кому именно придется копать.

- Может, не на огород? - кисло предложил он. - Может, пока дома бросить, в сарай?

- Дома оно не особенно нужно, - пожал плечами дядька.

«И на огороде не нужно, - со злостью подумал Пакля. - И вообще никому эти мешки не нужны, хоть брось их посреди дороги...»

Денис Романович между тем с тоской вспоминал таинственно исчезнувший контейнер. Жаль, конечно, что все так получилось. Был бы сарайчик - бросить туда мешки, да под замок. И горя не знать.

Вид картофельных участков окончательно потопил Паклю в унынии. Это раньше он мог, пока взрослые работали, бегать по кустам и оврагам, стреляя из суковатой палки в гипотетических фашистов. Или запускать далеко-далеко картофелины с помощью гибкого прутика. Теперь не побегаешь и картошкой не покидаешься. Теперь только одно осталось: ишачить, обратив задницу к молчаливым небесам.

Вздыхнув, Пакля зашагал к бурьяну.

- Куда? - встревожился дядька. - А копать?

- Да сейчас, сейчас... Только шлаки скину.

Он уже расстегнул пуговицы на своих вьетнамских джинсах, как вдруг заметил странный блеск в зарослях. Отодвинув ногой стебель, он нагнулся.

- О-о-о! - вырвался у него восхищенный клич.

У ног Пакли лежал серебристый шлем с полупрозрачным забралом. Он не походил ни на мотоциклетный, ни даже на летный, потому что был какой-то не в меру угловатый и заковыристый. Но вещь была потрясающая.

И тут раздался истошный крик дядьки:

- Брось! Сейчас же выкинь! Не трогай, не прикасайся!

Пакля перевел на дядьку глаза - тот просто побелел от ужаса.

- Как это «брось»? - удивленно произнес Пакля. - Зачем же его бросать?

С Дениса Романовича наконец сошла маска испуга, он в какой-то мере взял себя в руки.

- Не трогай, говорю. Не твое. Выбрось.

- Выбросить? - Пакля прямо-таки не узнавал своего родственника. Дядька, который тащил домой любую драную стельку, вдруг требовал избавиться от такой изумительной штуки.

- Выброси, и подальше! - строго сказал дядька.

- Никуда не выброшу, - наотрез отказался Пакля.

Он нашел в люльке пустой мешок, завернул в него свое сокровище и бережно уложил на дно.

Дениса Романовича все еще передергивало от каких-то неведомых Пакле чувств, но требовать он перестал. Потому что понял: уговорить племянника избавиться от шлема можно лишь одним способом - поведать ему историю странной

находки. А эту тайну он собирался держать в себе так крепко, как только мог.

Поэтому, сколько ни приставал Пакля к дядьке, сколько ни выпытывал причину его неожиданного испуга, Денис Романович лишь плотно сжимал губы и отворачивался. Удивленному племяннику осталось лишь одно – разобраться с находкой самостоятельно.

* * *

И снова пришло событие, погрузившее Зарыбинск в привычное недоумение. Какие-то идиоты обокрали ветлечебницу.

С самого утра майор Дутов ходил по ее коридорам и кабинетам, пропахшим чем-то нехорошим, тупо наблюдая, как его сотрудники суетятся со своими кисточками и фотоаппаратами вокруг лабораторных столов, холодильников, похожих на аквариумы вытяжных шкафов и стеллажей с посудой и реактивами.

Обе запертые двери были с мясом вышиблены, словно по ним прошлись тараном. Хотя куда проще было оторвать навесные замки с помощью лома. Тем более что лом висел рядышком, на пожарном щите.

Устав от запахов и гнетущей обстановки, Дутов вышел во дворик проветриться. У ворот под «грибком» курилки сидели сотрудницы, не успевшие сегодня даже переодеться в лабораторные халаты.

– Сан Палыч! – позвала одна. – Что, работать-то будем сегодня? Или можно домой идти?

– Подождите вы, – пробормотал майор и сел на бревно, вытирая лицо платком.

Это уже не лезло ни в какие ворота. Кому, спрашивается, могли понадобиться баночки со слизью, бутылочки с тухлыми бульонами, а также громоздкие электроприборы, о значении которых даже догадаться трудно.

На первый взгляд дело смахивало на какое-то озорство. Но что за развлечение – выносить из лечебницы хрупкую звенящую химпосуду? Перебить, залить полы химикатами, написать матом на стене и справить большую нужду на столе

руководителя – это другое дело, это действительно походило бы на стиль зарыбинских олухов.

Но никакого мата на стенах, ничего такого на столе не обнаружили. Кража носила четко направленный характер – пришли, взяли, что хотели, и скрылись. Даже почти ничего не разбили и не сломали, не считая входных дверей.

И совсем немыслимо! Дверь кассы и бухгалтерии не тронута. Даже не поцарапана. Ну какой вор прошел бы мимо дразнящей таблички «Касса»?

Дутов печенкой чуял, что все это неспроста. Странная кража из гастронома, не менее странный налет на ветлечебницу – его настораживало не только это. Имелись и другие необъяснимые факты: чего стоил, например, взлом телеателье, откуда пропали несколько никому не нужных сломанных телевизоров.

Вдобавок возросло число преступлений на фермах и летних загонах. Пропадали коровы и свиньи. Кражи были напрочь «глухими» – никаких вразумительных следов. Не находили даже следов разделки, хотя раньше, как правило, окровавленная трава и разбросанные кости обнаруживались тут же, в сотне-другой метров. Дутов от этих странностей просто шалел, он к такому не привык.

Обычно в Зарыбинске из трех заявленных краж две удавалось раскрыть по горячим следам. Делалось это просто. Достаточно было посмотреть, кто из местных голодранцев сегодня самый пьяный. Раз пьяный – значит, есть деньги. Откуда деньги, можно спросить у других голодранцев. Те ответят: был, мол, у цыган. Или ездил на Узловую.

И сразу многое прояснялось: цыгане охотно скупали ворованное, а на станции имелся постоянно действующий рынок, где можно пристроить все – от пары сапог до нового телевизора. Правда, телевизор шел по цене сапог, но тем не менее.

Вряд ли на этот раз стоило ждать, что вонючие баночки и пробирки всплывут у цыган или на рынке. Не тот товарец.

Дутов бесился. Он не мог разгадать, что происходит у него под носом – это раз. Уже раздавались звонки и неприятные вопросы от областного начальства – это

два. И три: его вконец достали бестолковые людишки со своими невыносимыми бесконечными претензиями.

Нельзя сказать, что Дутов не любил людей. Нет, он готов был их терпеть, если бы они так ему не мешали. Но люди мешали, раздражали, бесили, отвлекали от дел, словно сговорились.

Дутова назначили в район из областного центра. Он не был ни матерым руководителем, ни, например, опытным сыщиком. Он весь предыдущий стаж работал с бумагами. И очень хорошо, надо сказать, работал.

Бумаги были его судьбой, его песней, страстью, твердой землей под ногами. Он знал все нужные слова, он умел применять необходимые обороты и мог даже в официальный текст внести искру божью. Так, что человек, читающий приказ, докладную записку или даже план работы, мог чуть ли не слышать голос того начальника, кто эту бумагу подписал. В сухих строчках Дутов умел зашифровать и грозно сведенные брови, и снисходительное похлопывание по плечу.

Так бы он и пел свою канцелярскую песню жизни, но плоховато пошли дела в Зарыбинском райотделе. Один начальник вдруг слишком часто начал поддавать – начинал день с рюмки, уделывал к обеду бутылку, а к вечеру засыпал на длинном столе для совещаний.

Сменили. Следующий повадился на пару с начальником ДПС «отмывать» краденые машины. Сняли, хотя и не посадили. Назначили еще одного – этот переругался со всем отделом. С замами, с бухгалтерией, с операми и следователями, даже со стажерами. А вдобавок с районным прокурором и за компанию с председателем суда.

Назначать стало некого. И тут попался на глаза Дутов – малопьющий, исполнительный, бесконфликтный. К тому же разведенный и бесквартирный – уговаривать не надо.

Так и попал он в Зарыбинск. Все-таки начальник отдела – почти что уездный воевода. Думал, что будет просто. Надеялся получать приказы и директивы и слать в центр отчеты и ответы – грамотные, бодрые, блестяще сделанные.

Не вышло. Оказалось, тут живут люди.

Причем такие люди, которые спокойной жизни не признают. Они копошились в темном зарыбинском муравейнике, напивались, выбивали друг другу зубы, обманывали, выгоняли из квартир, убегали от родителей, выкапывали чужую картошку, разбивались на мотоциклах, травили соседских гусей и поджигали сараи, рожали детей от чужих мужей... И все это проделывали с виновато-простодушным взглядом: ты, мол, власть – ты с нами и разбирайся, терпи нас.

И никак Дутов к этому не мог привыкнуть. Каждый день его теребили, вынуждали куда-то ехать, что-то решать. И сверху тоже – теребили, подгоняли... И в конце концов ему показалось, что голова у него раздулась и вот-вот треснет. Потому-то на каждую попытку впихнуть в нее новую проблему он отвечал эмоционально, хотя и стереотипно:

– Да подождите вы!!!

К счастью, ветлечебница – не центральный гастроном, и сейчас надоедливых зевак здесь почти не было. Но Дутов чувствовал, что еще два-три подобных происшествия, и его вежливо спросят из трубочки: «Слушай, Сан Палыч, а что там вообще у тебя творится?»

И ответить он не сможет. И тогда уже в число зевак и свидетелей его краха попадет не только город, но и вся область, хорошо если не страна.

А в том, что странные события не закончились, майор почему-то был уверен.

* * *

Кирилл сидел за кухонным столом и ковырял вилкой худосочную котлету, бессильно лежащую среди рисовых крупинок. Напротив сидел отец, он ел и молчал.

Уже давно Кирилл заметил у отца странное свойство – умение смотреть сквозь сына. С матерью он был несколько другой, как-то оживал, иногда смеялся, одним словом, видел ее.

А с Кириллом все обстояло не так. Вроде стоит напротив, смотрит будто бы в глаза, а на самом деле – мимо. И лицо неподвижное. Можно подумать, он с тобой по телефону разговаривает.

Это не обижало, но огорчало. Потому что Кирилл помнил отца другим. Он видел старые фотографии, где его батя был еще в солдатской форме, улыбался в окружении таких же молодых и веселых друзей. Он видел снимки, где молодые отец и мать вместе – оба смеются, оседлав слоников на детской карусели или забравшись на постамент к какому-то памятнику.

Были еще фотографии с вечеринок: старомодные одежды и прически, пузатые бокалы, радиолы... Люди на тех снимках были ровесниками Кирилла, но они так отличались! В их глазах было что-то особенное: вера в себя и в будущее, чувство собственного достоинства, радость, наконец. Хотя и тогда они были простыми шоферами и строителями, молочницами и швеями.

И даже на поздних фотографиях, где уже появился маленький Кирилл, это ощущение жизни сохранялось. Будь то пляжный снимок с традиционным надувным дельфином или семейное торжество со всеми дядьками, тетками, сватами и кумовьями.

Что же произошло? Что превратило того молодого батю в этого угрюмого мужика в отвисшей майке, молча сидящего напротив? Только ли время?

Кирилл этого не знал, да и не очень задумывался. И сам отец не замечал перемен в себе. Он мог видеть лишь перемены вокруг, в жизни, а их в общем-то не было. Два десятка лет он мотался на своей молоковозке по одному и тому же маршруту: от комбината до товарной станции и обратно. Два раза в месяц приносил жене деньги. Немного оставлял себе, чтобы было на что покурить. И чтобы в пятницу посидеть в гараже с такими же молчаливыми и угрюмыми, отвыкшими от перемен.

В сыне он видел самого себя. Лишь по этой причине Кирилл стал ему малоинтересен. Ну что интересного в общении с зеркалом? Давно прошли времена, когда они с матерью торжествовали по поводу первого зубика, первого шажка, первого слова... Давно оставили надежду, что сын будет жить по-другому.

«Все повторяется, – думал батя. – Ну, поболтается Кирюха, уйдет в армию. Вернется, еще поболтается. Женится, сделает ребенка. Оседлает такую же молоковозку или трактор – какая разница... И все пойдет по новому кругу. Нет, пожалуй, по старому кругу. Разве что, на море вряд ли съездит – дороговато нынче».

– Из военкомата есть чего? – спросил отец.

– Нет, – помотал головой Кирилл.

– И нечего туда спешить, – донесся голос матери.

– Ничего, ничего... – проворчал отец, звеня вилкой о тарелку. – Отслужит, вернется... Надо, надо...

Собственно, больше говорить им было не о чем. Не станет же Кирилл описывать батю, как ходил с приятелями к девчонкам в общежитие аграрного техникума и как комендант выгонял их резиновой палкой. Да и батя вряд ли будет делиться тем, как подкручивает спидометр и сливает бензин.

Сегодня Кирилл был рад, что разговор не затянулся. Любые разговоры с родителями были сейчас невыносимы. Деньги так и лежали в джинсах. Впрочем, на ночь он перекладывал пакет под подушку – вдруг матери придет в голову с утра постирать одежду или чего еще.

Он так и не нашел Машку. Хотя и приложил кое-какие усилия – например, навел справки у ее одноклассниц. Те только плечами пожимали. А может, она так и не появится? Тогда можно отдать Промзаводу их долю, а свою вернуть на место...

– Кирилл! – позвала вдруг мать. – К тебе пришли.

– Кто?

– Не знаю, какой-то мальчик.

С крыльца Кирилл с удивлением убедился, что «мальчиком» был Поршень. Он стоял у калитки, боясь заходить – во дворе заливался лаем маленький, но

бесстрашный Черныш. Почему-то Поршень был один, и чувствовалось, что ему неуютно здесь находиться в одиночку.

- Тебе чего? - подозрительно спросил Кирилл.

- Привет, - Поршень изучающе оглядел Кирилла. Темные глазки забегали туда-сюда, прилежно выполняя свою работу. Поршень имел довольно гладкий, прилизанный вид, но глаза словно выпирали. Они, как красный фонарь, предупреждали собеседника, что с их обладателем надо быть настороже.

- Чего надо? - снова спросил Кирилл.

- Ничего. Проверка на вшивость. Ты деньги отдал?

Кирилл сразу понял, что Поршень все знает. Видимо, «болты» все же проследили, как он ходил к Машке и как ушел ни с чем.

- Нет пока. Я ее найти не могу.

- Найти не можешь? - злорадно усмехнулся Поршень. - Все так и знали, что ты не сможешь.

- Чего надо? - напряженно проговорил Кирилл.

- Если ты не нашел - мы найдем.

- Ну ищите, - Кирилл пожал плечами.

- Найдем, найдем, - Поршень неожиданно протянул руку. - Деньги гони.

- Какие?! - Кирилл от неожиданности чуть не подался назад. - Зачем?

- Затем! Тебе дело доверили - ты не смог. Значит, сами сделаем.

- Я просто Машку еще не нашел! - возмущенно воскликнул Кирилл.

– А мы найдем, – усмехнулся Поршень. – Сразу найдем. А то взял баблы – и гуляешь с ними. Может, пропил уже, а?

Душа Кирилла протестовала изо всех сил. Но не отдать деньги он не мог. Потому что они ему уже не принадлежали. Злобный нахальный Поршень имел такое же право взять их в свои лапы.

– На, бери, только не плачь, – презрительно сказал Кирилл и сунул пакет в растопыренную пятерню Поршня. – Смотри, сам не пропей.

Кириллу не понравилось, как тот поглядел по сторонам, принимая деньги. И вообще, ситуация ему не нравилась. Почему все-таки Поршень пришел один?

– Вот так, – буркнул тот, запихивая пакет под рубашку. – Теперь – все. Доставим лично в руки...

И он быстро скрылся за углом. Деньги скрылись вместе с ним – родительские деньги. Кирилл вдруг подумал, что не следовало отдавать свою половину. Впрочем, разводить какие-то дележки и перерасчеты тоже было бы неправильно.

Вечерело, воздух темнел и словно бы сгущался. И на сердце тоже воцарялись сумерки. Кирилл, совершенно опустошенный, спрятался за дом и закурил.

Все, черта проведена. Теперь деньги нужно добыть и вернуть на антресоль. Любым способом, любой ценой. Ради этого Кирилл был готов на какой угодно подвиг.

Впрочем, в Зарыбинске редко находилось место для подвига. А если и находилось, рядом никогда не оказывалось подходящего героя.

* * *

Пакля сидел на скрипучем верстаке в сарае и уже в который раз то надевал, то снимал серебристый шлем, поворачивая его к себе разными боками.

Это действительно была замечательная штука. И по всей видимости, очень дорогая. Жаль, нельзя выяснить, для чего она предназначена.

Всякий раз, когда Пакля надевал шлем, ему казалось, что в его голове рождается какая-то чудесная теплая волна, которая затем бесследно исчезает. Шлем был как будто живой. Надеваешь – и чувствуешь, как он оживает. Что-то в нем включалось, наверно, встроенная рация или, может, какой-нибудь компьютер.

Настоящий восторг испытал Пакля, когда впервые опустил зеркальное забрало. Перед глазами сразу вспыхнули огоньки и светящиеся линии. Через мгновение они сложились в крошечные символы, циферки, фигурки, разноцветные сеточки координат.

Пакля, конечно, понял, что шлем остался после того сенсационного налета на универмаг. На всех десантниках были такие же или похожие. И, скорее всего, лучше отделаться от этой штуки, отдать ее Дутову – пусть разбирается со всеми этими военными тайнами.

Но прежде хотелось сполна насладиться. Померить, погладить, полюбоваться мерцанием огоньков. Хорошо бы еще в нем сфотографироваться.

В полуоткрытую дверь Пакля вдруг увидел Пельменя, который плелся куда-то с пустым ведром. Пакля усмехнулся. Он нацепил шлем, спрятал лицо под забралом и шагнул из сарая.

– Немедленно остановиться! – скомандовал он, стараясь придать голосу железную твердость. – Вы окружены.

У Пельменя в первую секунду перекосилась физиономия, он отшатнулся и панически посмотрел по сторонам. Но потом узнал нескладную фигуру Пакли и его вечно мятую рубашку. Пакля снял шлем и расхохотался.

– Понял? Я теперь Робокон: «Вы имеете право на молчание».

Пельмень этим правом с охотой воспользовался. Он растерянно хлопал глазами и крутил ухо. Этот внушительный шлем как-то странно смотрелся в руках

нечесаного придурковатого Пакли. Что-то было в этом неестественное.

- Где взял?

- Где взял, где взял... - буркнул Пакля. - Из ведра согнул.

- Дай гляну, - Пельмень мелкими шажками приблизился.

Пакля зыркнул по сторонам и приложил палец к губам.

- Идем в сарай. Там глянешь...

Пельмень изумленно крутил шлем в руках, цокал и покачивал головой.

- Вроде и не самолетный... и не водолазный... и не мотоциклетный...

- Велосипедный, - ухмыльнулся Пакля. - Да ты померь!

- Нет! - неожиданно испугался Пельмень. - Я так посмотрю. Ну правда, где взял?

- Нашел, - вздохнул Пакля. - Учусь у дядьки помаленьку помойки окучивать.

- Нашел... - хмыкнул Пельмень. - Ничего себе. Ой, а тут какие-то капельки присохли. Слушай, а это не кровь?

- Кровь! - обрадовался Пакля. - Конечно, кровь! Я его вместе с головой нашел. Представляешь, сплющенная такая голова, глазья навывкате, из горла кости торчат...

Пельмень брезгливо бросил шлем на верстак и отодвинул кончиками пальцев. Потом сказал:

- Брешешь ты все. Он небось в краске какой-нибудь.

- Точно. В краске. Это вообще-то малярный шлем, разве ты не знал? Чтоб краска на голову не капала.

Пельмень покрутил ухо, хмыкая и что-то бормоча. Потом взялся за свое ведро.

– Спер ты его, вот что я скажу. Вот узнают хозяева – таких тебе навешают...
Ладно, я пошел.

Он и в самом деле попытался уйти, но вдруг льющийся в сарай свет что-то закрыло. Пельмень ойкнул и отскочил назад, врезавшись спиной в поленницу. Пакля выглянул и тоже издал какой-то мелкий испуганный звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tyrin_mihail/sindikatsindikat-gromoverzhec

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)